

Отдел V

Экономика и статистика*А. Боярский и Л. Бранд***Проблема статистики цен и товарооборота¹**

Основная идея настоящей работы заключается в том, что каждый раздел экономической статистики должен строиться как определенный разрез статистики воспроизводства народнохозяйственной системы. Только такой подход к экономической статистике дает ей организующую ось, обеспечивает ее единство, стройность и систематичность.

Однако одной общей идеи мало. Для практического действия необходимо разработать эту идею применительно к конкретным разделам статистики. Мы даем здесь эту разработку в отношении вопросов статистики товарооборота и статистики цен. Такое соединение (товарооборот и цена) не требует, пожалуй, никакого оправдания. Наоборот, та же основная идея, которая указана выше, настоятельно диктует необходимость построения статистики товарооборота и статистики цен по совпадающим, налагающимся схемам: если мы действительно хотим построить статистику цен, как определенный разрез статистики воспроизводства народнохозяйственной системы, мы должны строить ее, так сказать, «по следам» системы статистики товарооборота. Построив систему статистики товарооборота, мы в основном получаем и канву для построения системы статистики цен.

Первая часть статьи посвящена вопросам статистики цен, вторая — товарообороту. Строго говоря, следовало бы располагать материал в обратном порядке. Наш порядок вызван чисто техническими соображениями. Мы его не меняем, так как по нашему мнению он не затрудняет изложения хода мыслей по разбираемым вопросам.

I. Проблемы индексов цен

Прежде чем приступить к построению какого бы то ни было статистического показателя, необходимо иметь перед собой ту познавательную задачу, которую он призван решить — один или в системе ряда других показателей. Можно считать, что эта истина «теоретически» усвоена всеми статистиками, в том числе и работниками индексов цен. Вопрос лишь в том, какую именно познавательную задачу ставят перед собой эти работники —

¹ Статья представляет собой в первой части результат коллективной работы секции обращения б. Института экспериментальной статистики ЦСУ СССР в составе нижеподписавшихся и двух рабочих-выдвиженцев тт. Смирнова и Дмитриева, во второй части — совместно обработанный доклад Л. Бранда в семинаре Института народного хозяйства им. Плеханова. Работа была проделана и доложена на соответствующем совещании уже более полугодия назад (в декабре 1929 г.). Опубликование же статьи по различным внешним причинам до сих пор задерживалось. Естественно, что статья носит на себе след этой задержки. Мы однако считаем целесообразным опубликование работы еще и сейчас, т. к. по нашему мнению жизнь не только не опровергла, но подтвердила правильность наших основных принципов. Если при осуществлении этих принципов практическая часть статьи (список индексов, список показателей товарооборота и т. д.) может и должна претерпеть некоторые изменения, то самые принципы остаются в силе. Какой вид должна в конце концов получить эта практическая схема — может показать только работа по ее осуществлению.

вытекает ли она из марксистской теории или подсказывается «общими соображениями», под которыми большей частью скрывается концепция, марксисту враждебная.

Большинство существующих индексов цен ставит перед собой задачу получения конъюнктурного показателя или измерения покупательной силы денег. При этом в понятие конъюнктуры вкладывается различный смысл. Соответственно различное значение придается индексу как конъюнктурному показателю. Либо этот индекс расценивается как барометр, предсказатель предстоящих сдвигов в хозяйственной жизни, а для капиталистических условий преимущественно как предсказатель предстоящих кризисов, либо индекс расценивается лишь как наиболее быстрый симптоматический показатель того, что уже произошло или происходит. Поэтому нам придется останавливаться на каждом из этих двух пониманий в отдельности.

Расценка индексов цен как барометра должна быть отвергнута категорически и безоговорочно.

Цена, будучи наиболее поверхностным выражением уже происшедших глубинных изменений экономических отношений, естественно не может эти изменения «предсказывать». «Предсказательские» возможности могут быть признаны за ценой лишь в той мере, в какой она сама является источником новых изменений экономических соотношений, следовательно в весьма скромной степени.

Предстоящие изменения хозяйственной жизни, вызываемые сдвигами в ценах, могут быть определены лишь после того, как достаточно полно и точно изучены причины самых ценовых сдвигов.

Таким образом даже для капиталистических условий говорить о цене, как об автоматическом барометре, совершенно не приходится. Тем менее можно приписывать барометрическое значение индексам советских планируемых цен. Разразившийся в САСШ промышленный кризис с особой ясностью показал беспомощность индексов цен в деле предсказания кризиса, также как и всех других показателей, лежащих на поверхности экономических явлений. Как известно, на совещании, созванном Гувером по поводу биржевой паники, Генри Форд заявил, что кризис сбыта в промышленности наступил еще летом 1929 г., т. е. задолго до того, как стрелки его «барометров» начали колебаться, приближаясь к буре. Цыганские гадалки, рекламируя свои таланты, утверждают, что они могут «предсказать прошлое, настоящее и будущее» по поверхностным показателям линии руки. Возможности экономических барометров оказались более ограниченными — они смогли «предсказать» только прошлое.

Приписывание индексу цен предсказательского значения есть не что иное, как одно из практических проявлений ограниченности буржуазного фетишизма. Господин капиталист и его ученые настолько неспособны видеть далее своего собственного носа, что, даже зная о заминках в промышленности, не придают им никакого значения до тех пор, пока цены и другие поверхностные явления не стукнут их по лбу. Только язык этих явлений для них достаточно понятен и убедителен.

Несколько больше оснований имеет расценка индексов как симптомов экономической жизни, наиболее быстро регистрирующих происшедшие в ней изменения. Для условий классического капитализма ее можно принять. Но уже для монополистического капитализма ее можно принять лишь с целым рядом оговорок. В советском же хозяйстве и для такой расценки индексов не остается никаких оснований.

Присмотримся теперь ко второй из указанных здесь задач. Самая категория покупательной силы денег, мягко говоря, не укладывается в рамки марксистской экономической теории. С точки зрения этой теории можно

говорить от отношении $T : T$, в котором обмениваются два товара, или об отношении $D : T$ в случае, когда первый из этих товаров — деньги (о цене товара T).

Можно говорить и об отношении $T : D$ — о «цене» денег в единицах данного товара. Однако последнее отношение может быть получено лишь «чтением прейскурантов справа налево» (Маркс) и имеет лишь условное значение: всеобщими эквивалентами остаются деньги.

Но если можно в таком условном смысле говорить о «цене» денег, выраженной в одном товаре, то совершенно нельзя говорить об их цене, выраженной во всех товарах сразу, как нельзя говорить о цене любого товара, выраженной не в деньгах, а и в деньгах, и во всех товарах сразу. Тем более нельзя говорить о покупательной силе денег, как о суррогате отвергаемой количественной школой категории стоимости денег.

Конструкторы понятия покупательной силы денег не понимают противоречия относительной и эквивалентной форм стоимости и представляют себе весь марксов анализ этих форм как надуманную логическую конструкцию, не отображающую никакого реального исторического процесса.

Надо сказать, что категория «покупательной силы денег» различно понимается разными школами политической экономии. Чистые ортодоксальные количественники подменяют ею стоимость денег, и поэтому для них (например для Фишера) индексирование превращается в отыскивание «истинной стоимости денег».

Не чистые и не ортодоксальные, но все же количественники «признают» стоимость денег. Они иначе формулируют поэтому содержание покупательной силы денег. Для них покупательная сила якобы не стоимость, но «лишь» обратная величина истинного уровня цен.

Но и из этой формулировки ясно, что под покупательной силой денег понимается нечто большее, глубже лежащее, нежели показатель эмпирически образующихся соотношений цен различных товаров. И так как этим «большим» может быть только стоимость, то ясно, что и здесь в конце концов дело должно свестись к той же количественной теории. Разница лишь в том, что сторонники «истинного уровня цен» исповедуют количественную теорию скрыто, трусливо.

Наконец следует упомянуть и «марксистов»-количественников типа Гильфердинга и количественников «бумажных». Первые, стоя по существу на позициях чистых количественников, отличаются от них терминологией: вместо покупательной силы денег они толкуют о цене их. Вторые целиком признают количественную теорию, ограничивая ее однако исключительно бумажно-денежным обращением. При этом «снимается» для бумажных денег различие между представительной (Маркс) и количественной теориями и забывается, что законы количественных соотношений признаются Марксом лишь как законы соотношений количества бумажно-денежных знаков и представляемого ими золота¹.

Таким образом приходится отвергнуть обе основные задачи, которые до сих пор ставились перед индексами цен.

Задача индексов цен в системе советской статистики вытекает из характера и роли цен в советской экономике. В наших условиях цена в решающей доле подчинена плану. Дикий мустанг капиталистических рыночных пре-

¹ При обсуждении этого вопроса ряд товарищей считал, что перед индексами цен можно в капиталистических условиях ставить задачу измерения покупательной силы денег. Но все эти товарищи соглашались с тем, что эту задачу нельзя ставить перед советскими индексами цен. Таким образом, спор по этому вопросу оказался в значительной мере академическим. Оставаясь на своей точке зрения по вопросу о покупательной силе денег в капиталистических условиях, мы констатируем, что по отношению к современности разногласий нет, а потому практического значения этот спор не имеет.

рий стал хорошо выезженной рабочей лошадкой. Поэтому роль цены непосредственно выводится из задач планирования цен. Но планирование цен означает планирование тех хозяйственных связей, которые осуществляются у нас в условно-рыночной форме¹. Следовательно задача планирования цен есть регулирование результатов рыночных и условно-рыночных связей в нашем хозяйстве. Результатом этих связей является распределение народного дохода. Следовательно планирование цен преследует цель оказания того или иного влияния на это распределение. Значит и индексы цен в советских условиях могут преследовать лишь цель измерения влияния цен на распределение народного дохода.

Что касается до так называемых «стихийных» цен, то и их изучение может нас интересовать лишь с этой стороны. Именно такой подход к ним даст нам возможность определить направление тех мер, которыми мы можем на них воздействовать.

Если будет создана система индексов, решающая поставленную выше задачу, мы тем самым получим аппарат контролирования выполнения плана цен и притом контролирования не поверхностного, а идущего по линии самого существенного в этом планировании.

Конечно на ряду с участием в распределении народного дохода цены влияют на самое производство. Однако в той мере, в какой цены вообще влияют на производство, они достигают этого лишь через влияние на распределение народного дохода. Это влияние может идти либо по линии цен продаж, либо покупок. Только влияя на большую или меньшую выгодность (в смысле получения доли народного дохода) производства тех или иных продуктов или того или иного способа производства, цена может воздействовать на самое производство.

Конечно цена не только не является единственным, но даже и основным фактором распределения народного дохода в наших условиях. Народный доход распределяется в первую очередь в зависимости от условий производства — производительность труда, структура издержек, амортизация и т. д. Несомненно, что совокупное действие этих факторов значительно существеннее влияния цен. Но никоим образом цена не может быть выброшена совсем при изучении распределения народного дохода до тех пор, пока существуют обмен и самые цены. Чтобы наиболее ясно представить это, допустим, что все условия производства и количественные размеры его нам точно известны. Сможем ли мы, не зная ничего о ценах, рассчитывать наперед, как распределится народный доход? В условиях капиталистических, с известными оговорками, пожалуй да, ибо там цена на протяжении достаточно больших промежутков времени должна отразить эти производственные условия. В советском хозяйстве безусловно нет и именно потому, что наша планируемая «пассивная» цена в значительной мере от этих производственных условий оторвана и диктуется целями плана. Те участки, где цена еще не является полностью плановой, не могут нарушить этого положения, в виду своей относительной незначительности. Наконец, если уж на то пошло, и в этих участках, и в капиталистических условиях гораздо легче просто наблюдать цену, нежели выводить ее из производственных условий и затем применять ее со всеми оговорками. Совершенно ясно, что полное изучение распределения народного дохода должно синтезироваться из рассмотрения всех определяющих его факторов. Система индексов цен по самому существу своему не может охватить ничего иного, кроме одного из этих факторов — цены. Синтез всех факторов мы можем получить только в балансе народного хозяйства, одним из небольших и подчиненных уголков которого должны быть индексы цен. Поэтому все возражения против применения ин-

¹ А для некоторых пунктов хозяйства (внутрикрестьянский оборот) и просто в рыночной форме.

дексов цен к изучению распределения народного дохода, основанные на том, что цена не является единственным и даже особенно важным фактором этого распределения, бьют мимо цели: строя индексы цен, мы и не можем пытаться охватить ими что-либо другое кроме цен. Мы прекрасно отдаем себе отчет в ограниченности нашей задачи, но от этого сама задача еще не становится хуже, а указанное возражение — лучше. В качестве достаточно убедительного аргумента можно привести хотя бы известную истину об ограниченных возможностях «даже самой красивой женщины». Если же это возражение диктуется, хотя бы и подсознательно, мыслью о том, что системой индексов цен можно охватить всю картину распределения народного дохода, то оно является не чем иным, как своеобразным выражением того же буржуазного фетишизма, не понимающего всей подчиненности цен, который приводит к построению индексов-барометров в с е й хозяйственной жизни.

Из ограниченности роли цен, из того, что является одним, а не единственным фактором, вытекает лишь, что самостоятельное изучение цен не может дать достаточного материала для выводов о распределении дохода, что статистика цен должна быть с о м к н у т а со статистикой себестоимости и т. д. Но это лишь одно из выражений той же идеи, которую мы выше выдвинули как основную идею этой работы. И поэтому построенная нами система индексов цен есть единственная система, которая может быть полностью сомкнута с соприкасающимися отраслями экономической статистики.

Довольно распространено мнение, основанное на признании пассивности цены в советских условиях, что цены нельзя считать фактором распределения народного дохода, во всяком случае те цены, которые достаточно полно регулируются планом. Фактором распределения народного дохода признаются лишь стихийные, неплановые цены. Цены, уже планируемые, таким фактором не признаются. Соответственно этому вместо системы индекса цен, охватывающей все рыночные и условно-рыночные отношения, предлагается строить лишь индексы цен внутрикрестьянского оборота и бюджетный. Надо сказать, что путь этот чрезвычайно опасен. При более пристальном рассмотрении предложение строить лишь индексы стихийных цен есть не что иное, как реидив кон'юктурного подхода к индексам цен. Отсюда недалеко до того, чтобы строить индексы, например, розничных цен по спекулятивным ценам вырождающейся частной торговли, поскольку всеми признано, что цены обобщественной торговли не могут служить показателем кон'юнктуры. В индексной практике мы уже имели такие кон'юктурные показатели, построенные исключительно на данных о частном рынке¹.

Методологическая ошибка этого положения заключается в том, что перепутываются причина и следствие. В самом деле, цена, как и всякое не только экономическое, но и вообще любое явление, представляет собой одновременно и следствие и причину. Взятая как следствие, она регулируется планом, она «пассивна». Собственно говоря, поскольку и при капиталистических условиях цена жестко определяется своими причинами, хотя бы по характеру и прямо противоположным воздействию нашего плана, можно сказать, что она «пассивна» даже и там. Мы не сможем найти, в чем коренное различие капиталистических и советских цен, пока будем вести исследование в плоскости рассуждений «вообще» — вообще активна или вообще пассивна. Вопрос должен быть поставлен так: в каких связях цена активна и в каких пассивна? На так поставленный вопрос мы получим резко рас-

¹ Интересно отметить также, что товарищи, отстаивавшие в свое время это мнение, на вопрос, вытекает ли из их установки отказ, например, от индекса отпускных цен ВСНХ, отвечали отрицательно. Очевидно, они либо настолько не уверены в этой своей установке, что не решаются сделать из нее ни единого, даже ближайшего логического вывода для практики, либо самые регулируемые из всех регулируемых цен — отпускные цены ВСНХ — для них стихийны.

ходящиеся ответы для капиталистических условий и наших и тем самым выясним коренное различие в характере цен. Именно, если в капиталистических условиях цена активна относительно людей-суб'ектов производства, и факторы, определяющие ее, лежат вне пределов их воздействия, то у нас цена в этой решающей связи пассивна, т. е. определяется сознательно создаваемым людьми планом.

Следовательно даже и в наших условиях пассивность цены не означает ее полной экономической инертности, которая была бы тождественна небытию, а «лишь» пассивность в определенных связях. Именно взятая как причина цена влияет на распределение народного дохода и в капиталистическом и в советском хозяйстве, в различной, разумеется, форме и степени. Камень, сорвавшийся с горы, и камень, сброшенный с горы человеком, оба летят вниз и производят на своем пути какое-то действие. Если бы цена была действительно пассивна во всех связях, со всех сторон, т. е. в том смысле, что изменения ее уровня (хотя бы продиктованные планом) не имели бы никаких последствий, не оказывали бы никакого влияния на распределение народного дохода, то остались бы совершенно непонятными цели самого регулирования цен. Вполне понятно, что на поставленный в упор вопрос: «для чего регулируются цены?» сторонники критикуемого положения не смогут ничего ответить. Если бы они оставались последовательными до конца, они должны были бы из своей «левой» критики, обвинявшей нас в непонимании пассивности цены, в том, что мы строим систему индексов цен, исходя не из того, что имеется в ценах от плана, а из рудиментов стихийности, сделать весьма и весьма правый вывод — цены регулировать совершенно не для чего, значит, цены регулировать не надо, т. е. надо их предоставить вольной игре экономической стихии. В такое смешное положение всегда попадает слишком левая критика, если показать ей самой логические выводы, вытекающие из нее же. Ко всему сказанному можно еще добавить, что ужасно левое увлечение пассивностью цены при непонимании, что означает эта пассивность (приписывание пассивности цене, как причине, а не как следствию), означает, по сути дела, недооценку активной роли плана вообще.

Чем больше цена определяется планом, а не стихией, от которой план ее отрывает, тем больше она становится орудием планового воздействия на экономическую действительность, тем больше она становится орудием нашего активного вмешательства в эту действительность, т. е. тем больше она и вместе с ней самое планирование в части цен активны. Цена при капиталистических условиях была в гораздо большей степени следствием, а не причиной (вспомним наши положения о кон'юктурном значении ценовых показателей). Цена, подчиненная плану диктатуры пролетариата, становится в гораздо большей степени причиной (если только эта диктатура не предпочитает ее в данном участке уничтожить вовсе), а не следствием, т. е. активной, а не пассивной. Другое дело, что строительство социализма означает отмирание даже тех условно-рыночных отношений, которые пока еще существуют и которые обязательны для самого существования цен. Когда исчезнут цены, исчезнут разумеется и индексы цен, ибо «человек без племянниц — не дядя».

Таким образом, даже если признать полное, стопроцентное регулирование цен, то задачей такого регулирования будет воздействие на распределение народного дохода, и эта задача будет диктовать необходимость индексов цен, учитывающих это воздействие. Индексы цен были бы ненужны только в том случае, если бы цены входили всюду как постоянный фактор, т. е. если бы регулирование цен сводилось к удержанию их на абсолютно неизменном уровне. Но это было бы совершенно бессмысленное самоограничение регулирования. Как известно, наше регулирование ставит и

решает задачу гораздо большую, именно — изменить цены в том направлении, в каком нам это нужно (повышение реальной заработной платы и т. д.).

Регулирование цен может однако повлечь за собой следующую интересную особенность советских индексов. В тех случаях, когда, с одной стороны, регулирование достаточно полно охватывает цены, и, с другой стороны, — фактические цены достаточно строго следуют за директивными, можно строить индексы не на основании донесений регистраторов о фактических ценах, а на основании директивных циркуляров. Как далек между прочим такой индекс от конъюнктурных показателей. С другой стороны, совершенно очевидно, что говорить о пассивности такого индекса тождественно утверждению о пассивности плана, поскольку кроме плана такой индекс ничего в себе не содержит.

Если приказ по армии цен дается для каждого товара отдельно, то такой индекс даст нам сводку нашей директивы, покажет, чего мы ею добьемся в целом. Если же директива дается вначале по целой группе товаров и затем уже разверстывается по каждому из них в отдельности, то индекс явится не только сводкой, но и исходным пунктом, методологическим орудием планирования. В обоих случаях индекс даст и характеристику нашей директивы и характеристику фактического действия цен.

Если же нет гарантии в строгом следовании фактических цен за директивными, индекс приходится строить по фактическим ценам, сравнение его с индексом по директивным ценам даст меру имеющегося расхождения.

Совершенно ясно, что поставленная выше задача не может быть решена одним каким-нибудь индексом, но несколькими разрозненными, построенными по отдельности индексами. Эта задача может быть решена лишь системой связанных между собой индексов. Это прямо вытекает из того, что совокупность индексов цен должна стать одним из уголков баланса народного хозяйства. Этот же баланс ни в коем случае не может быть простой суммой отдельных статистических работ. Больше того, чтобы эти отдельные работы могли войти как составные части в баланс народного хозяйства, необходимо, чтобы они с самого начала были на это рассчитаны, чтобы они решали свою проблему с народнохозяйственной точки зрения.

Имеющийся же набор индексов цен этим требованиям не удовлетворяет ни в какой степени. Система существующих индексов — система бессистемности, историческое напластование статистических работ. Вот почему мы встречаемся с целой кучей непреодолимых препятствий, как только пытаемся связать два каких-нибудь индекса для сравнения их хотя бы только между собой. Каждый же из отдельных индексов, как бы он хорошо и тщательно построен ни был, никогда ничего вразумительного сказать не может. Причин такого состояния индексной практики очень много. Эти причины конечно прежде всего кроются в отсутствии четкой познавательной задачи, в бедности или даже бессмысленности тех познавательных задач, которые до сих пор перед индексами ставились. Эти причины кроются и в неспособности ограниченного фетишистского буржуазного ума подняться до народнохозяйственного аспекта и подчинить отдельные частные задачи задаче получения системы индексов цен, трактующей цены в этом народнохозяйственном аспекте. Понятно, что при таких условиях каждый из существующих индексов может показать лишь то, что уже определено в его названии — относительные изменения цен, по которым товары обращаются в данном уголке.

Например, розничный индекс может показать лишь относительные изменения цен, по которым товары переходят небольшими порциями из сферы обращения в сферу потребления. При этом смешение в «розничном» индексе цен средств потребления и средств производства, вытекающее из чисто лавочнического принципа определения розницы на основании размеров сделок, окончательно лишает этот индекс всякой тени экономического смысла. Ин-

дексы превращаются в орудия установления, констанции одного оторванного от своих связей факта. Между тем и требование того, чтобы статистические показатели были орудиями переделки народного хозяйства, и марксистский метод исследования вообще диктуют необходимость статистического изучения каждого экономического явления в его связи со всеми другими явлениями, со всем народным хозяйством.

Все же и среди существующих теперь индексов можно найти светлые островки. Такими светлыми островками являются крестьянские индексы и индексы бюджетные (а в связи с индексом номинальной зарплаты — индекс реальной зарплаты). Крестьянский индекс как раз и преследовал в идее учет воздействия цен на распределение народного дохода между крестьянским хозяйством и промышленностью. Надо правда сказать, что авторы этого индекса сами, не сформулировав даже четко этой познавательной задачи, сделали все от них зависевшее, чтобы в практическом оформлении испортить здоровую идею. Помимо ряда узко-методологических ляпсусов, они допустили исчисление общего индекса для всех социальных групп внутри «крестьянства», совершенно беспринципное деление индекса на субиндексы по товарным группам и полное смешение всех противостоящих крестьянству контрагентов.

В бюджетном индексе правильная формулировка познавательной задачи дана с самого начала. Именно поэтому бюджетный индекс обладает наименьшим количеством недостатков. Здоровая суть этих индексов нисколько не страдает от того, что авторы называют их измерителями покупательной силы такого или раз такового рубля. Уже этим различием покупательной силы различных (???) рублей подтверждается бессмысленность самой категории покупательной силы денег. Поэтому мы и предпочитаем отвергнуть не только это понятие, но и самый термин, считая употребление такого термина лишь данью, подозрительным кокетничанием с количественной теорией денег.

Но... один в поле не воин. Безотрадность общей картины теперешнего состояния индексов цен не смягчается, а только подчеркивается этими исключениями.

* * *

Задача изучения распределения народного дохода предполагает участие агентов этого распределения. Следовательно прежде всего необходимо представить все народное хозяйство как систему этих агентов, вступающих в обмен как контрагенты. Разумеется, здесь будут рассматриваться агенты с о б и р а т е л ь н ы е — сферы хозяйства, социальные группы, отрасли производства.

На каких же агентов мы должны разбить народное хозяйство? Прежде всего это должно быть деление по «сферам» и социальным секторам. Именно: производство — обобщественное, капиталистическое и простое товарное; обращение (торговля) — обобщественное и частное; потребление — рабочее, прочее трудовое, нетрудовое, госаппарат¹, наконец надо присоединить внешний рынок, цены в связях с которым хотя и не влияют на распределение народного дохода внутри страны, но влияют на общую его величину.

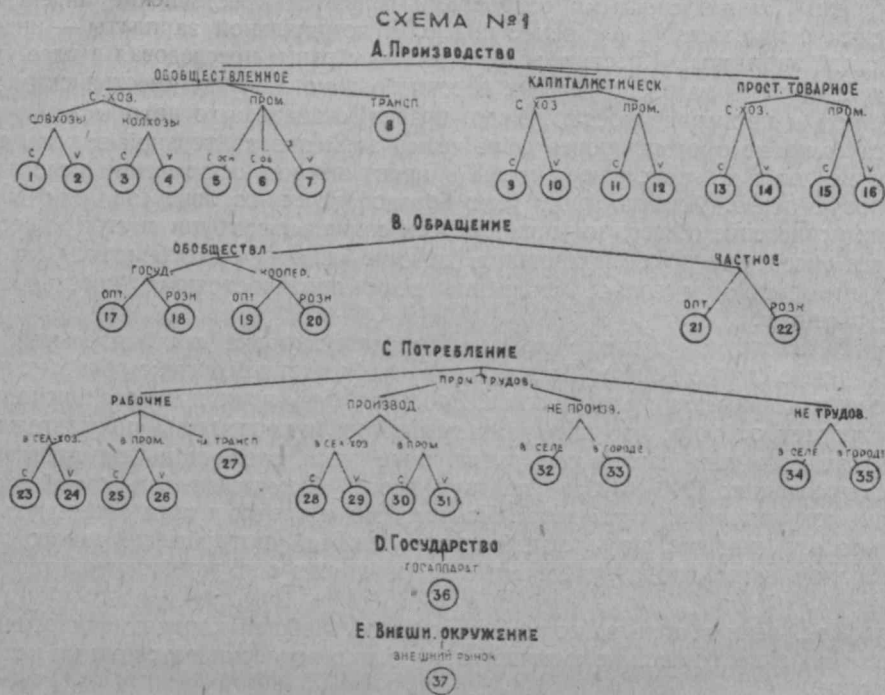
Далее необходимо разделение сферы производства по отраслям и по экономическому назначению продукта на сельское хозяйство, промышленность и транспорт, а внутри отраслей — на производство средств производства (С) с выделением производства орудий производства (С осн.) и производства средств потребления (V).

В обращении, помимо деления обобщественного на государственное и кооперативное, мы будем иметь звеньевое деление — опт-розница. При этом

¹ Госаппарат выделяется особо, так как ни к одной из перечисленных сфер его отнести нельзя.

под розницей мы будем понимать не мелкую, а последнюю продажу, после которой товар уже входит в сферу производительного или непроизводительного потребления, под оптом — не крупную, а всякую продажу, в которой покупателем является торговое предприятие, продающее в дальнейшем этот товар не потребителю, а другому торговому предприятию.

Ниже мы даем схему агентов, из которой видны и подразделения внутри потребления (см. схему 1).

В результате получаем следующий систематический список агентов:

1. Совхозы	производящие С	20. Коопрозница
2. " "	" V	21. Частный опт
3. Колхозы	" С	22. " розница
4. " "	" V	23. С.-х. рабочие в пр-ве С
5. Обобщ. промышленность	" С обш	24. Пром. " " " V
6. " "	" С об.	25. " " " " С
7. " "	" V	26. " " " " V
8. Транспорт	" "	27. Транспортные рабочие
9. Капит. сельское х-во производящее	С	28. Простые товаропроизводители в с.-х. производстве С
10. " " " " "	V	29. Простые товаропроизводители в с.-х. производстве V
11. " " " " "	С	30. Простые товаропроизводители в пром. производстве С
12. " " " " "	V	31. Простые товаропроизводители в пром. производстве V
13. Простое товарное сельское х-во производящее С		32. Непроизв. трудовое население в селе
14. Простое товарное сельское х-во производящее V		33. " " " " " городе
15. Простая товарная промышленность производящая С		34. Нетрудовое население в селе
16. Простая товарная промышленность производящая V		35. " " " " " городе
17. Госопт		36. Госаппарат
18. Госрозница		37. Внешний рынок.
19. Кооппт		

Цена влияет на распределение народного дохода между этими агентами лишь «там, тогда и постольку, где, когда и поскольку» эти агенты связы-

ваются между собой в обмене, т. е. выступают как контрагенты. Поэтому каждый индекс в отдельности должен иметь дело не с одной частью народного хозяйства, а с двумя контрагентами по отношению друг к другу в обмене товаров. Но каждая пара должна изучаться не одним, а двумя индексами. В самом деле, если бы товарооборот совершался в форме непосредственного безнадежного товарообмена и выражался формулой $T_1 - T_2$, то индекс должен был бы измерять отношение $T_1 : T_2$ (другое дело, что выполнить это было бы по меньшей мере затруднительно). Но в действительности мы имеем дело с формулой — $T_1 - D - T_2$.

Один из индексов должен дать отношения $D : T_1$ другой — $D : T_2$.

Первый должен дать показатель изменения цен продаж А контрагенту В, второй — аналогичный показатель покупок А у В. Отношение обоих индексов («ножницы») дает $D/T_1 : D/T_2 = T_2 : T_1$, — показатель того, сколько T_2 получает А за единицу своего T_1 . Так например частное от деления индекса номинальной зарплаты на бюджетный дает индекс реальной зарплаты и т. д.

При поверхностном чтении может возникнуть недоумение по поводу тех пар контрагентов, для которых существует товарный ток только в одном направлении — А продает В, но ничего у него не покупает (например рабочий в промышленности, производящей средства производства, продает ей свою рабочую силу, но не покупает продуктов ее производства). В этих случаях мы будем иметь только один индекс продаж А. Но ясно, что никаких затруднений здесь нет, так как очевидно, что на распределение дохода между этими контрагентами цена влияет лишь через эти существующие продажи. Дело не в том, что индекс продаж А обязательно нужно на что-то делить, а в том, что если бы был индекс покупок А у В, то, не разделив на него индекс продаж, мы бы еще не получили полного представления о влиянии цены на распределение дохода между А и В.

Участвующий в рыночных отношениях А есть единство противоположностей А как продавца и А как покупателя. Первый индекс имеет дело с А как продавцом, второй — как с покупателем. Противоречие между А — продавцом и А — покупателем снимается третьим индексом (частным от деления), который рассматривает А просто как участника в распределении народного дохода. Если же А выступает по отношению к какому-нибудь контрагенту только как продавец или только как покупатель, этого противоречия нет, а потому снимать его незачем.

Сформулированная познавательная задача и намеченный способ ее решения настолько богаты содержанием, что целый ряд существеннейших вопросов входит в них как части. Например, задача измерения торговых накидок решается путем сравнения цен, по которым товары входят в сферу обращения, с ценами, по которым они из нее выходят. Если нужно более детально осветить этот вопрос, то вместе с этими индексами необходимо сопоставить индексы цен, по которым товары переходят от оптовой торговли к розничной.

Важной особенностью, непосредственно вытекающей из всей задачи системы, должно явиться то, что в нее включается индекс номинальной зарплаты, так как существеннейшим агентом распределения народного дохода является рабочий класс. В товарный набор этого индекса войдет всего лишь одна «товарная» группа — рабочая сила, «товарный» характер которой у нас наиболее условен. В системе советских индексов он отразит не пропорцию между заработной платой и прибылью, а пропорцию, в которой чистая продукция делится на потребляемую непосредственно и идущую на расширение производства.

Таким образом, общая схема системы индексов представится как шахматная система, переплетение товарных токов, по которым (токам) и должны исчисляться индексы цен. Следовательно, включив обращение внутри данного собирательного агента, т. е. обращение, в котором контрагентами являются отдельные хозяйственные единицы, в него не вошедшие, обращение, которое в данной связи, конечно, интереса не представляет, мы получаем математически $37.36 = 13.32$ индекса цен. Но совершенно ясно, что целый ряд из них мыслится только математически. Например из множества причин, которые делают ненужным наблюдение, а тем паче вычисление индекса цен средств производства, продаваемых промышленностью рабочему, или рабочей силы, продаваемой внешнему рынку, уже первое достаточно убедительно — такие продажи невозможны. Именно поэтому возможны указанные выше случаи, когда два контрагента связаны между собой индексами только в одном направлении.

Кроме того, товарные токи между целым рядом пар контрагентов возможны и имеют место, но объем их настолько незначителен, что практическая цена индекса цен в этих токах сводится к нулю. Так, например, выпадают все индексы, где одним из контрагентов является частная промышленность (не в виду ее замкнутости в себе, а в виду крайней ее незначительности). Далее, некоторые индексы вообще не представляют интереса с точки зрения нашей задачи. Например, индекс товарных токов внутри частной торговли.

Наконец, с точки зрения той же задачи можно было бы исключить в се индексы, где обоими контрагентами являются государственные предприятия, так как вся кропотливая работа цен по распределению между ними народного дохода смывается одним росчерком пера, при составлении хозяйственного плана, путем прямой переброски доходов одних предприятий в другие. Нам думается однако, что такая решительная расправа со всеми этими индексами нецелесообразна. Ибо уже там, где одним из контрагентов является производственное предприятие, а другим — торговое, индексы приобретают вполне понятный интерес, особенно постольку, поскольку они касаются не чисто государственных торговых предприятий. Если интерес этих индексов с точки зрения нашей задачи по существу все же не велик, то они интересны с точки зрения той же задачи формально, — например с точки зрения обеспеченности снижения розничных цен в той мере, в какой эти цены зависят от оптовых (и еще дальше — отпускных). Точно так же и в тех случаях, когда обоими контрагентами являются государственные и производственные предприятия, индексы цен обмена между ними, не имея никакого интереса с точки зрения распределения народного дохода, нужны однако для того, чтобы мы имели возможность судить о том, в каком именно пункте прорывается фронт выполнения плана по линии цен. В этом нет никакого противоречия с общим положением об оторванности наших цен от производственных условий (их плановый характер), так как вместе с ценами всегда планируется и накопление, получаемое как результат разницы темпов движения цен в разных звеньях. Если все-таки индексы по существу в нашу систему входить не должны, то они совершенно необходимы в системе индексного наблюдения за себестоимостью (структура цены). Пока же такой системы нет, нам, видимо, придется включить их в свою, с тем, чтобы при первой же возможности передать их по принадлежности.

Выкинув эти индексы, мы отрезали бы значительную часть нитей, связывающих систему индексов цен с другими разделами хозяйственной статистики; мы превратили бы индексы цен в изолированный самодовлеющий набор показателей, убили бы в них самое ценное — то, что система их органически вплетена во всю систему народнохозяйственной статистики. Мы не делаем этого, ибо именно на это вплетение, именно на единство и связанность

мы упираем, подчеркивая в то же время и особенность, известную самостоятельность системы индексов цен.

На прилагаемой схеме, в сказуемом которой наши 37 агентов выступают как продавцы, а в подлежащем как покупатели, отмечены номерами все необходимые по нашему мнению индексы (см. схему 2).

СХЕМА №2

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	
1 СОВХОЗЫ																																						
2 КОАХОЗЫ																																						
3 ПРОМ. ОБОБЩ. СТРОИТЕЛЬСТВО																																						
4 ПРОМ. ОБОБЩ.																																						
5 ПРОМ. ОБОБЩ.																																						
6 СТРОИТЕЛЬСТВО																																						
7 ПРОМ. ОБОБЩ.																																						
8																																						
9 ТРАНСПОРТ																																						
10 НАП. СЕЛ. ХОЗ. ТВО																																						
11																																						
12 ПР. ТОВАР. СЕЛ. ХОЗ.																																						
13																																						
14 ПРОМ.																																						
15																																						
16 ГОСУДАРСТВ. ОПТ.																																						
17 РОЗН.																																						
18 КООП. РАТ. ОПТ.																																						
19 РОЗН.																																						
20 ЧАСТН. ОПТ.																																						
21 РОЗН.																																						
22 БЕЛ. ХОЗ. РАБОЧ. В С																																						
23																																						
24 ПРОМ.																																						
25																																						
26 ТРАНСП.																																						
27 БЕЛ. ХОЗ. ТОВАР. И В С																																						
28																																						
29 ПРОМ.																																						
30																																						
31 НЕПР. ТОВАР. В СЕЛЕ																																						
32 ГОР.																																						
33 НЕПР. ТОВАР. В СЕЛЕ																																						
34 ГОР.																																						
35 ГОСАППАРАТ																																						
36 ВНЕШНИЙ РЫНОК																																						
37 ОБЩЕ																																						

Отметим характерные черты схемы. Прежде всего, ряд агентов (например, кулак, кустарь и другие) присутствует в ней дважды: один раз как производители, другой — как потребители. Это не описка. Дело в том, что одно и то же хозяйство, выступая как производственная единица, характеризуется совершенно другим набором товара, а следовательно, и ценами, нежели выступая как единица потребительская.

В своем месте было уже показано, что в предлагаемую систему должны быть включены индексы заработной платы. Такими индексами в нашей схеме будут индексы продаж в сфере потребления.

Необходимо отметить еще и следующую особенность строения сказуемого: если в нем различаются агенты, производящие $CиV$, то это относится не столько к самим агентам, сколько к продаваемым ими товарам. Таким образом, мы находимся здесь в гораздо более выгодном положении, чем статистика производства, которая вынуждена каждое данное предприятие относить к производству C или V сопровождая это отнесение целой кучей флюворок. Товары же разбиваются на средства потребления и средства производства автоматически, самими названиями своих окончательных покупателей.

лей, избличающими в них производителей или потребителей. Конечно, ряд товаров войдет в обе группы; количества же их будут различны и определяться указанным путем — по покупателям. Теоретически такой же разбивке поддается и подлежащее (покупатель). Именно: если продукт какого-нибудь предприятия распадается в известной пропорции на средства производства и средства потребления, то в той же пропорции можно разбить и его покупки по каждому отдельному товару — на покупки производства С и покупки производства V. Однако практически такая разбивка представляет неимоверные трудности, и поэтому придется, очевидно, пользоваться теми же приемами (и понятно, с теми же оговорками), какими оперирует статистика производства.

Затушеванные квадраты вполне аналогичны таковым же в сетке результатов шахматного матча и означают не что иное, как выключение обращений внутри одного и того же агента. Но в отличие от указанной сетки мы имеем затушеванные квадраты и вне диагонали. Такие квадраты возникают благодаря уже объясненному двойному присутствию в схеме некоторых агентов.

Таким образом, вся наша система содержит в себе 238 первичных индексов (считая так называемые одотоварные индексы просто относительными числами). Как нетрудно видеть, цены отдельных товаров в ряде индексов будут совпадать. Это означает, во-первых, значительное облегчение наблюдения цен и, во-вторых, гораздо большее и всестороннее использование этих наблюдений при помощи различных соотношений весов. Нелишне также отметить, что наборы товаров в ряде индексов будут сравнительно тощи. Так, например, наборы индексов цен покупок колхозов у промышленности, производящей орудия производства, будут включать только одну товарную группу, именно с. х. машины и орудия. Так сконструированная система индексов с выдержанным контрагентурным принципом выявляет необходимость возведения в чин самостоятельного индекса, затерянного в дебрях существующей бессистемности индексной практики субиндекса.

Все наши 238 индексов самой схемой разбиваются на следующие группы:

	1	2	3	4	5	Итого
1. Производство	46	30	21	—	—	97
2. Обращение	41	10	12	—	1	64
3. Потребление	37	36	—	—	—	73
4. Госаппарат	—	1	2	—	—	3
5. Внешний рынок	—	1	—	—	—	1
Итого:	124	78	35	—	1	238

Или, чтобы приблизить классификацию индексов к общепринятому делению отраслей статистики, разобьем их на 8 больших групп следующим образом:

1. Производственно-бюджетные (покупка средств производства производителями)	76
2. Отпускные и заготовительные (продажа производителям обращению)	41
3. Торгово-посреднические	10
4. Потребительско-бюджетные	73
5. Административно-управленческие (покупки госаппарата, кроме зарплаты служащих)	1
6. Номинальная зарплата	35
7. Импортные	1
8. Экспортные	1
Всего	238

Эту группировку можно изобразить и на схеме (цифрами показаны номера групп).

	Производство	Обращение	Потребление	Госаппарат	Внешний рынок
Производство	1	1	6	—	—
Обращение	2	3	6	—	—
Потребление	4	4	—	—	—
Госаппарат	—	5	6	—	—
Внешний рынок	—	8	—	—	—

Если же группировать индексы по тем социальным секторам, которые ими связываются, мы получим следующую сводку их количества:

	Обобществл.	Капиталист.	Индивид.	Наемн. труд	Госаппарат	Внешний рынок	Итого
1. Обобщественный	77	4	8	27	—	1	117
2. Капиталистический	10	4	9	6	—	—	29
3. Индивидуальный	22	12	8	—	—	—	42
4. Наемный труд	18	14	14	—	—	—	46
5. Госаппарат	1	—	—	2	—	—	3
6. Внешний рынок	1	—	—	—	—	—	1
	129	34	39	35	—	1	238

Уже было указано, что ряд существующих субиндексов в предлагаемой системе возводится в степень самостоятельных индексов. Нелишне будет рассмотреть, куда в ней деваются вообще существующие индексы.

Индекс отпускных цен госпромышленности разобьется на ряд индексов, в которых последняя выступает продавцом и которые связывают ее частью с производством, а частью с торговлей. Индексы номинальной зарплаты, как уже видно из предыдущего, войдут в индексы продаж сферы потребления. Бюджетные индексы разобьются между индексами покупок сферы потребления, среди которых имеется также ряд новых, не исчисляемых теперь индексов (например, бюджет кустаря).

Ведущий индекс мелкооптовых цен почти совпадает с некоторыми из наших «торгово-посреднических» индексов. Индекс розничных цен окажется разбросанным по многим индексам, в которых покупателем выступает сфера потребления, а продавцом — сфера обращения или производство (индекс «базарных» цен). Но одновременно эти же индексы совпадают с «бюджетными». Следовательно, никаких индексов розничных цен, помимо бюджетных, быть не должно.

Самая плачевная судьба ожидает крестьянские индексы, несмотря на то, что по своей идее они наиболее близки к нашей познавательной задаче. Именно, индексы продаж крестьянства в одной части сольются с заготовительными, а в другой — с базарными (странным образом сосуществование с ними). Индексы покупок крестьянства в одной части сольются с производственно-бюджетными (для крестьянства), а в другой — с потребительско-бюджетными. Таким образом, один и тот же индекс покупок крестьянства окажется не только разбитым на субиндексы по совершенно отличному от теперешнего (промышленные и с.х. товары) принципу, но и самые эти субиндексы окажутся рассеянными по далекому друг от друга углам системы. Наконец, следует с особым ударением отметить устранение основного

дефекта теперешних крестьянских индексов — их внеклассовой «чоховости». Правда, указанные уголки системы настолько мало напоминают существующие крестьянские индексы, что разбивка в нашей схеме агентов «крестьянства» на капиталистическое с.-х. производство, простое товарное производство, потребление нетрудовых слоев в селе и потребление простых товаропроизводителей в сельском хозяйстве никак нельзя назвать «устранением дефектов» из этих существующих крестьянских индексов. По сути дела это не устранение дефектов, а осиновый кол в могилу этих индексов¹.

Вполне законным будет требование сведения всех индексов к небольшому числу сводных показателей, объединяющих целые группы этих индексов. Схемы этих сводных показателей мы получим, уничтожая деления наших агентов на, так сказать, суб'агенты (например отраслевое деление производства, звенья торговли и т. д.). Эту «трестификацию» агентов можно проводить в различных направлениях. Уничтожив только отраслевое и звеньевое деление, мы получим схему сводных индексов В, (см. схему 2а).

В

СХЕМА N2a

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1 ОБОБЩ. ПР-ВО	1									
2 КАПИТ. "		5								
3 ПР. ТОВ. "	9	10	11	12						
4 ОБОБЩ. ОБРАЩ.	13	14	15				16		17	
5 ЧАСТН. "		18	19	20		21				
6 РАБОЧИЕ	22	23	24	25	26					
7 ПРОЧ. ТРУД.	27	28	29	30	31					
8 НЕТРУДОВОЕ			32	33	34					
9 ГОСАППАРАТ						35	36			
10 ВНЕШ. РЫНОК										37

С

	1	2	3	4	5	6
1 ОБОБЩ.	1					
2 КАПИТАЛИСТ.	5					
3 ИНДИВИДУАЛ.	8	9				
4 НАЕМ. ТРУД	10	11	12			
5 ГОСАППАРАТ	13			14		
6 ВНЕШ. РЫНОК	15					

Д

	1	2	3	4	5
1. ПРОИЗВ-ВО	1				
2. ОБРАЩЕНИЕ	3	4			5
3. ПОТРЕБЛЕН.	6	7			
4. ГОСАППАРАТ	8	9			
5. ВН. РЫНОК	10				

¹ Правда, крестьянские индексы, хорошо сами чувствовавшие свою немощь, предполагают подвергнуться операции омоложения. Напоминаем однако, что зачастую эти операции пока что не достигают цели, и поэтому надеемся все же в ближайшем времени принять посильное участие в их похоронах.

Уничтожая далее все деления внутри социальных секторов, мы получим схему С; уничтожая же деления внутри сфер, мы получим схему D.

Однако идти по этой линии можно только до известного предела. Именно до тех пор, пока остается по меньшей мере 2 агента. Если мы уничтожим и деление между ними, мы получим 1 агента, охватывающего все народное хозяйство целиком. Такой агент нигде не найдет контрагента, с которым бы он мог вступить в связь. Но вряд ли такой суррогат связи может породить что-нибудь хорошее как для него, так и для этого «другого». Между тем именно такой «связью» и занимаются измерители пресловутой покупательной силы денег. Где нет двух контрагентов — нет обмена, нет цены, нет распределения народного дохода ни через цены, ни вообще, — не может быть и индексов цен, особенно измеряющих влияние цен на это распределение.

Таким образом, взяв одного агента, изолированного от всего остального, как «одно», мы не найдем в нем никакого обмена и, значит, никаких цен, кроме цен оборота внутри него самого, учитывать влияние которых на распределение народного дохода, как уже в своем месте было указано, совершенно неинтересно. Но это одно есть лишь одно из многих, в обмене с которыми цена и влияет на распределение народного дохода интересующим нас образом. Противоречие между этими многими «одними» снимается тем, что они образуют единое множество, и мы получаем одно, но уже собирательное (уничтожение субагентов). Так же, как и в исходном одном, цены товарооборота внутри него уже никакого интереса не представляют. Чтобы иметь возможность вычислять индекс цен для этого множества, ставшего одним, мы должны найти другое одно, могущее быть ему противопоставленным¹.

Это совершенно невозможно, если наше множество уже охватило все народное хозяйство. Мы тогда вернемся к нашему исходному «одному», но уже без возможности куда-нибудь из него выскочить.

В системе наших сводных индексов и имеется как раз ряд предельных индексов, рассматривающих все народное хозяйство разделенным на две части — данного агента и все остальное вместе. Это — индекс в итоговом столбце и строке основной схемы 2. Каждый индекс в итоговом столбце (общие) измеряет изменение цен для всех покупок данного агента, а в итоговой строке то же — продаж.

* * *

Мы не будем подробно развивать аргументацию формально-методологических построений, которые должны лечь в основу вычисления индексов. По этим вопросам имеется обширная литература. В основу своих построений мы кладем идеи, развитые в докладе тов. Старовского, прочитанного им в Коммунистической академии. Самое существо задачи, которая должна решаться всей системой индексов, диктует бюджетный характер всех ее индексов. С другой стороны, бюджетный индекс, как индекс, наиболее близко подошедший к этой задаче, и как индекс, уже с самого начала стоявший перед настоятельной необходимостью быть понятным для широких масс рабочих, строился с самого своего возникновения как индекс агрегатный. Вполне естественно, что и все наши индексы (как, впрочем, и вообще все индексы в мире) должны быть агрегатными. Но мало того, что индекс каждого отдельного товарного тока должен быть построен как агрегатный, —

¹ При объединении многих одних в множестве все их противоречия между собой погашаются. Однако все противоречия между ними и не вошедшими в множество «другими» не только не погашаются, но становятся уже противоречиями всего множества в целом. Поэтому если, напр., промышленность, производящая орудия производства, была вначале связана с рабочими лишь односторонне (как покупатель), то во множестве «общественное производство» уже связана с ними двусторонне, как соучастница промышленности, производящей средства потребления.

индекс сводный, включающий в себя несколько товарных токов, должен составляться тем же путем, причем набор товаров должен составляться как простая сумма выборов входящих в него субиндексов. Следовательно, количество товаров (веса) должно соблюдать пропорцию отдельных товаров не только внутри этого тока, но и отдельных токов между собой. Коротко говоря, сводный индекс должен представлять собой отношение сумм числителей к сумме знаменателей, входящих в него субиндексов. Теоретически количества должны были бы непрерывно меняться так, чтобы в каждом индексе они отражали пропорции на «текущий срок». Однако добиться этого настолько трудно, а главное долго, что от осуществления этой задачи приходится, по крайней мере пока, отказаться. Придется определить количество на срок, возможно более близкий к настоящему времени с тем, чтобы в дальнейшем менять их через более или менее длительные промежутки времени.

Такой сводный индекс будет измерять влияние цен на распределение народного дохода в наиболее чистом, оголенном виде. Однако весьма интересно и даже необходимо на ряду с ним иметь индекс, учитывающий влияние на самые цены для данного агента изменений долей отдельных контрагентов в его рыночных сделках, особенно социальных секторов. Поэтому, кроме отношения суммы числителей к сумме знаменателей всех индексов, входящих в данный сводный, необходимо вычислять еще и особый тотальный индекс, построенный по средним взвешенным ценам (для всех контрагентов) и по количествам, равным сумме количеств отдельных субиндексов. Сопоставление того и другого дает возможность выяснить, насколько изменение под влиянием цен доли народного дохода, получаемой данным агентом, обусловлено изменениями самих цен как таковых и насколько изменением относительной роли различных контрагентов в его рыночном обороте. Важно подчеркнуть, что нужны и сводные и тотальные индексы, а не только те или другие. Поэтому неверно было бы отказаться от шахматной системы индексов не только потому, что индексы по парам контрагентов крайне интересны и насыщены политико-экономическим содержанием сами по себе, но еще и потому, что они необходимы как сырье для построения сводных индексов (не говоря уже о том, что без всего нужного для их вычисления материала не обойдешься и при выведении тотальных индексов).

Влияние цены на долю народного дохода, получаемой агентом А, возникает лишь там, где имеется акт обмена, т. е. где ему противостоит контрагент В. Влияние цены в обмене между ними и измеряется индексами между А и В. Но акт обмена между А и В есть только один из многих актов обмена, в которых участвуют А. Или кроме В ему противостоит целый ряд других контрагентов, с которыми он и связывается в нашей шахматной схеме. Но если и далее рассматривать эти контрагенты, с которыми связывается А, не как особые, а как противостоящее А «множество» контрагентов, то мы получим сводный индекс, который и охватывает все индексы покупок или продаж А внешним образом, «единой оболочкой» (Гегель), как понятие множества вообще охватывает входящие в него «одни». Особо от этой триады стоит тотальный индекс, не просто охватывающий контрагентов, а органически соединяющий их в один единый противостоящий А контрагент — «все остальное». Поэтому для вычисления его и нельзя просто вычислить среднюю из отдельных индексов (как для сводного), а перечислить самые цены.

Здесь интересно отметить, что знаменатель «общего» индекса продаж какого-либо агента не что иное, как выражение его товарного отчуждения в ценах базисного года. Для ряда агентов (например, для транспорта) это отчуждение совпадает с продукцией, и таким образом числитель «общего» индекса даст нам автоматически продукцию в неизменных

ценах. Это — еще нить, связывающая систему индексов цен с другими разделами экономической статистики.

Поскольку наши индексы строятся в идее с переменными весами, необходимо тут же решить вопрос о применении базисного или цепного метода, дающие в этом случае различный результат. Теоретически индекс, показывающий изменение цен от одного до другого срока, должен представлять собой дробь, в которой числителем служит общая цена количеств второго срока по ценам этого второго срока (или просто оборот второго срока), а знаменателем то же самое, но по ценам первого срока. Только тогда индекс будет отражать изменение цен набора товаров, интересующего нас в момент составления индекса, а не интересовавшего нас во времена исторические. Вполне понятно, что цены каждого данного срока придется сравнивать с ценами не одного, а нескольких сроков (с началом пятилетки, с началом года, с предыдущим сроком). Все эти сравнения теоретически должны производиться путем деления оборота этого срока на тот же оборот, перечисленный по ценам срока, с которым производится сравнение. Однако это означало бы, что, например, через 10 сроков число индексов возросло бы в 10 раз, через 20 — в 20 раз и т. д. (если каждый срок сравнивается с каждым). Ясно, что это означало бы не сокращение работы госаппарата, а ничем не оправданное разбухание его. Мы считаем обязательным сравнивать цены каждого срока: 1) с начальным сроком введения в действие всей системы¹, 2) с аналогичным сроком прошлого года, 3) с началом хозяйственного года и 4) с предыдущим сроком. Всякое иное может быть с известной степенью приближения достигнуто путем деления индексов к началу действия системы, если речь идет о сроках двух разных годов, и к началу года, если речь идет о сроках внутри одного года. Конечно, это будет не совсем точно, но, как не трудно показать, достаточно близко.

Система индексов будет иметь минимальную ценность, если индексы не будут дифференцированы по районам. Для этого вся система должна быть применена и к отдельным районам. При этом отдельные товарные токи в ряде районов практически сведутся, конечно, к нулю и смогут быть выброшены как несущественные. Как на пример даже теоретически сводящегося к нулю тока можем указать на внешний рынок, который будет исключен из всех отдельных районов и войдет лишь в союзную сводку.

Но огромную трудность создает наличие межрайонных токов. С точки зрения распределения народного дохода по контрагентам данного района такие токи должны быть учтены и в одном и в другом районе и, следовательно, исключены один раз при составлении союзной сводки (для избежания повторного счета). При педантическом решении этого вопроса следовало бы для районных систем увеличить число индексов в 3 раза: повторить продавцов подзаголовком «из других районов» и то же с покупателями. Правда целый ряд контрагентов не связан межрайонно (например, рабочая сила). Но, повидимому, вполне достаточно заменить строку и столбец «внешний рынок» строкой и столбцом «другие районы» (что увеличит число индексов в районной системе по сравнению с союзной на 30 максимум).

Далее, вопрос о сроках, через которые необходимо вычислить индексы. Если мы отказываемся от индексов как показателей конъюнктурных, если учесть незначительную колеблемость в наших условиях регулирования цен вообще, то представится вполне достаточным вычислять индексы не ежемесячно, а по большей мере поквартально. При этом, если отдельные органы и сочтут необходимым иметь какой-нибудь индекс ежемесячно, никто им

¹ Конечно, лучше было бы вместо этого сравнение с началом пятилетки. Однако ясно, что это невозможно в силу «объективных причин».

в этом помешать не может, если они эту свою потребность достаточно обоснуют.

Считая основным конструирование именно системы индексов и учитывая в то же время практическую трудность полного ее осуществления, мы находим не только допустимым, но и необходимым ограничиваться в каждом отдельном индексе лишь небольшим набором главнейших товаров, по методу репрезентации (что однако не исключает полного набора товаров в том или ином токе, если такой охват имеется сейчас). К полному осуществлению всей системы нужно идти не столько присоединением все новых отдельных индексов к уже существующим (при полном наборе товаров для каждого из них), сколько обогащением набора товаров, входящих в тот или иной индекс, при условии наличия с самого начала достаточного количества их. Надо начать сразу с системы. Отдельный индекс, как бы он хорош ни был, ничего не дает с точки зрения народнохозяйственной, не решает никакой познавательной задачи.

Использование указанного метода репрезентации будет означать применение уже в самой технике вычисления средней арифметической, тождественной с избранной агрегатной.

Можно, конечно, испугаться того, что существующие индексы, отчасти и самое наблюдение цен, придется переключить самым безжалостным образом. Можно, конечно, испугаться того, что накопленные длинные ряды прежних индексов останутся без продолжения, а новые индексы не будут иметь богатой родословной. Можно, конечно, испугаться того, что новая система индексов в целом потребует гораздо более богатых наборов товаров, нежели те, которыми удовлетворялись индексы старые. Словом, пугаться можно многого.

Но 1) большое количество индексов с необходимостью вытекает из принятой установки; может быть от целого ряда можно отказаться совсем или по крайней мере временно, все равно как мы отказались от индекса, связанного с капиталистической промышленностью; может быть целый ряд индексов можно объединить в один, но это сокращение и объединение возможно только после того, как получена полная и развернутая их система. При всем том мы не слишком много надежд возлагаем на это сокращение, ибо совершенно понятно, что система, охватывающая все народное хозяйство, должна быть много богаче показателями, нежели существующий набор индексов, охватывающий лишь небольшие уголки его. 2) Мы уже говорили слишком достаточно о всех недостатках теперешней «системы» индексов, чтобы еще нужно было новое доказательство необходимости решительной, именно безжалостной и единовременной перестройки ее. 3) Самая необходимость длинных индексных рядов вытекает из, по меньшей мере, сомнительных общих теоретических соображений и из подхода к индексу как к показателю конъюнктуры. Если даже и считаться с этой необходимостью, то тем более надо перестраивать индексы скорее, чтобы раньше такие длинные ряды, если это уже так нужно, накопить. 4) Наборы товаров, конечно, должны быть больше, чем имеющиеся соответственно увеличению количества индексов, необходим более полный охват ими народного хозяйства. Но по целому ряду индексов наборы будут отличаться только пропорциями, только количествами, а не названиями товаров. Точно так же целый ряд индексов будет отличаться только пропорциями количеств входящих в них товаров, а не ценами этих товаров. Такое использование одних и тех же цен для построения ряда индексов и означает большее использование собираемого статистического материала, получение из него всего, что только он может дать. Словом, трудностей в практической реализации предлагаемой системы, конечно, много, но не так они велики, как это с первого взгляда

кажется, и бояться их при коренной перестройке целой отрасли статистической работы ни в коем случае не следует.

* * *

Важнейшим отличием предложенной системы индексов является то, что она не замкнута в себе, а может свободно войти как составная часть единой системы баланса народного хозяйства¹. Это не случайно. При построении всей системы исходной служила именно идея баланса — система строилась как уголок баланса. Именно так и только так может быть сконструирована любая система экономико-статистических показателей. Идея баланса должна превалировать во всей системе нашей экономической статистики. И если нам вместо детальной разработки уголка уже построенной схемы баланса народного хозяйства пришлось самостоятельно строить систему индексов, руководствуясь только идеей этого баланса, то это наша беда, но ни в коем случае не вина.

Из самого предмета индексов цен вытекает их историческая ограниченность. С ростом обобществления народного хозяйства, с перерождением товарооборота в плановое техническое распределение продуктов, с отмиранием рыночных и условно рыночных связей, с отмиранием, следовательно, самой цены — будет автоматически отмирать и система индексов, в которой отдельные индексы будут гаснуть как лампочки в люстре.

Ликвидация кулачества как класса вызовет ликвидацию его и как агента в нашей схеме. Из нее исчезнут и все связанные с кулачеством индексы — уже сейчас в районных схемах районов сплошной коллективизации. Чем дальше, тем большее количество районных схем будет освобождаться от этого агента, пока, наконец, не исчезнет он и из самой союзной схемы. То же и относительно всех остальных социальных групп. В этом особенно резко сказывается полная аналогичность структуры нашей системы и структуры советского народного хозяйства. Между тем имеющиеся индексы, в особенности индексы «общих целей», будут существовать до тех самых пор, пока будет хотя бы один меновой акт.

В предложенной перестройке всей индексной работы, в теоретической и действенной критике существующей тоже системы индексов необходимы обычные большевистские качества — непримиримая принципиальность в постановке вопроса и решительность в практическом применении полученных выводов.

II. Проблема статистики товарооборота

Так же, как при исследовании проблемы индексов цен, и здесь прежде всего надо решить вопрос о познавательной задаче.

Какова познавательная задача статистики товарооборота? Эта задача определяется прежде всего общими задачами экономической статистики в целом. Эти последние непосредственно вытекают из марковского учения об общественном производственном процессе, или общественном воспроизводстве, закономерности которого даны Марксом и запечатлены в его схемах. Схемы изображают реальный процесс воспроизводства в его целом и в соотношении его частей. Фигурально выражаясь, можно сказать, что общественное производство идет по схемам. Поскольку задачей экономической статистики является изучение реального экономического процесса, ее можно также сформулировать и как задачу заполнения марковских иллюстративных, общих схем реальным цифровым материалом.

¹ Как ни странно это на первый взгляд, но те, которые считают предложенную систему дефектной потому, что она не учитывает изменения в производственных условиях, по существу думают, что система индексов цен может и должна быть системой баланса народного хозяйства.

Итак, общая задача экономической статистики есть изучение процесса воспроизводства, причем общая схема этой статистики дана схемами Маркса¹.

Что будут представлять собой отдельные части экономической статистики при такой постановке проблемы? Прежде всего самые части должны быть отграничены, исходя из отграничения сфер воспроизводства. Это в первую очередь производство, разбивающееся на I и II подразделения, обращение и потребление. Экономическую статистику и нужно строить по этим сферам. Следовательно, когда речь идет о частях экономической статистики, надо подразумевать статистику этих отдельных сфер. Очевидно, что установленная выше общая задача экономической статистики определяет и содержание статистики отдельных сфер: статистика отдельной сферы народного хозяйства должна изучать, во-первых, процесс воспроизводства с точки зрения этой сферы, т. е. в том виде, в каком он происходит в этой сфере, и, во-вторых, роль этой сферы в процессе воспроизводства. «Во-первых» и «во-вторых» суть, собственно, две стороны одного и того же.

Следовательно, статистика обращения, которая нас здесь интересует, может быть определена как статистика процесса воспроизводства в стадии обращения, как статистика воспроизводства с точки зрения — изнутри, так сказать, сферы обращения и как статистика роли обращения в процессе воспроизводства. «Процесс обращения есть фаза всего процесса воспроизводства» («Капитал», т. III).

Это определит очевидно те элементы и связи, которые нужно изучать. В первую голову их определение дается определением обращения или, поскольку нашей темой является изучение не всех процессов в области обращения, но лишь товарооборот, — определение товарооборота. При этом особенно важно, что экономическое определение здесь должно быть взято во всем его объеме, как диалектическое единство общественной формы и материального содержания, ибо иной подход, вообще говоря, будет уже исключать правильность самого определения и лишь случайно может не привести к ошибкам в статистической схеме.

Эти положения заставляют очень внимательно анализировать экономические определения товарооборота при попытках построения схемы статистики товарооборота.

Одной из первых по времени попыток представить необходимые элементы статистики товарооборота в виде сводной, экономически обоснованной системы является работа Колокольникова «Основные элементы торговой статистики», опубликованная в «Вестнике статистики» № 2 за 1927 г.

Цитируя Маркса, Колокольников дает следующие исходные экономические определения товарооборота: «товарное обращение, слагающееся из обращения отдельных товаров, «представляется как бесконечное перепутанное сплетение движений *T-D-T*, которые на бесконечно различных пунктах постоянно оканчиваются и постоянно снова начинаются»².

И дальше: «товарное обращение слагается из «множества совершающихся рядом и наступающих один после другого актов покупки и продажи».

Эти определения как будто совершенно правильны, тем более, что в решающей части представляют цитаты из «Капитала». Мы и не собираемся оспаривать правильность этих цитат самих по себе. Но мы со всей категоричностью утверждаем, что эти определения не охватывают катего-

¹ Мы не рассматриваем здесь вопроса о применимости принципа схем Маркса к переходному или социалистическому хозяйству, т. к. считаем, что ответ на этот вопрос дается Лениным в замечаниях к «Экономике переходного периода» Бухарина.

² «Вестник статистики» № 2 за 1927 г., стр. 47.

рии товарооборота всесторонне, — так, как это необходимо в данном случае. Недостаточность этих определений заключается в том, что товарооборот взят в них как сумма товарных сделок, как сумма меновых актов — и только: они охватывают лишь форму товарооборота в том его виде, в каком этот процесс представлен¹ на поверхности, но совершенно упускают внутреннее содержание этого процесса как стадии процесса воспроизводства.

Не подлежит сомнению и, пожалуй, не требует доказательств, что марксово определение товарооборота заключается в единстве формы и содержания. Однако для вящей убедительности, помимо приведенной уже выше цитаты, приведем следующие: «Процесс обращения промышленного капитала, составляющий лишь часть процесса его индивидуального кругооборота, определяется ранее развитыми (кн. I, гл. III) общими законами, поскольку он представляет лишь ряд актов товарного обращения... Но законы общего товарного обращения остаются в силе лишь постольку, поскольку процесс обращения капитала образует ряд актов простого обращения, и лишается силы, поскольку эти акты являются функционально определенными этапами в кругообороте индивидуальных (а следовательно, и всего общественного — Б. Б.) капиталов»².

Или: «Существование капитала как товарного капитала и метаморфоз, которому он как товарный капитал подвергается в сфере обращения на рынке, — метаморфоз, который сводится к купле и продаже... — образует фазу процесса воспроизводства промышленного капитала»³.

В реальном экономическом процессе обращение, как сумма сделок, не существует отдельно от обращения, как фазы процесса воспроизводства. Переплетение сделок есть лишь форма, в которой выступает содержание этого процесса как этапа воспроизводства. Совершенно ясно, что нельзя рассматривать форму этого процесса самую по себе, отдельно от его содержания, от его места в общественном воспроизводстве. Далее ясно, что эти же подожжения верны не только для капитала, но и для продукта производства во всяком хозяйстве, где этот продукт принимает товарную или условно-товарную форму.

Речь здесь ни в коей мере не идет о какой-нибудь придирке, или, как принято теперь выражаться, — «проработке». Ибо из того или иного понимания и определения обращения и товарооборота вытекают самые существенные последствия. Например из того формального определения, каким ограничивается Колокольников, с неизбежностью следует, что в круг рассмотрения должно быть привлечено обращение рабочей силы, ибо, как говорит Маркс, «*P* и *Sp* в акте обращения *D-T Sp* играют тождественную роль постольку, поскольку они суть товары в руках их продавцов, в одном случае рабочих, продающих свою рабочую силу, в другом случае — собственников средств производства, продающих эти последние» («Капитал», т. II). Значит, в «сплетении актов купли-продажи» *P* и *Sp* участвуют формально совершенно одинаково, и поэтому *P* должна быть привлечена Колокольниковым к своим схемам. Если он этого не делает, то он должен благодарить за эту ошибку, приводящую к правильным выводам, только свою непоследовательность.

Рабочая сила должна быть исключена нами из схем товарооборота только потому, что *P* и *Sp* играют совершенно различные роли именно в

¹ Надо полагать, что Маркс не напрасно употребляет в использованной Колокольниковым цитате термин «представляется», а не «есть».

² Разрядка наша. Б. Б. «Капитал», т. II, стр. 86-87. Изд. 1925 г.

³ «Капитал», т. III.

процессе воспроизводства, т. е. никак не может быть исключена с точки зрения Колокольникова¹.

Из той же установки вытекает то обстоятельство, что Колокольников совершенно не ставит вопроса о связи своей системы показателей с показателями по другим сферам народного хозяйства и строит свою схему как нечто самодовлеющее.

* * *

В наиболее краткой и общей форме товарооборот можно определить так: товарооборот есть движение товарного капитала. Более развернутое определение таково: товарооборот есть совершающееся в форме бесконечного сплетения актов купли-продажи движение капитала, проходящего товарную фазу процесса воспроизводства, товарного капитала². Но это определение пригодно только для условий капитализма и притом чистого. Определение товарооборота для наших условий, естественно, будет иным. В нашей экономике переплетены и борются элементы социализма, госкапитализма, капитализма и простого товарного хозяйства³.

Очевидно, в наших условиях определение товарооборота будет таково: товарооборот есть совершающееся в форме бесконечного сплетения отдельных актов купли-продажи движение капитала (для капиталистического хозяйства), продуктов простого товарного производства (для простого товарного хозяйства) и продуктов общественного производства, принимающих условно товарную форму (социалистический сектор хозяйства), как фаза, стадия процесса общественного воспроизводства.

Всем этим мы отнюдь не хотим сказать, что общественная форма должна игнорироваться. Напротив, так как воспроизводство протекает всегда в определенной общественной форме — именно в этой форме оно и должно изучаться. Самая сфера обращения есть атрибут определенной исторической формы производства, и поэтому изучение ее возможно только при и в этой общественной форме.

С другой стороны ясно, что изучение отдельной сферы не дает — не может и не должно давать — полной картины процесса воспроизводства, но лишь специфическое освещение его. Целый ряд показателей не может быть получен как продукт статистики обращения, но лишь как продукт статистики производства (совокупный общественный продукт) или как продукт синтеза всех отдельных частей экономической статистики (распределение народного дохода).

Таким образом, товарооборот есть движение капитала, товара в обычном смысле или условного товара в сфере обращения. Но очевидно, что взятая в различных связях сфера обращения имеет различные характеристики, единство которых и составляет полное определение. Соответственно различные характеристики и получит товарооборот.

В экономическом процессе сфера обращения (как и сфера производства) выступает в следующих 3 системах связей: 1) как множество, коллек-

¹ В системе индексов цен цена рабочей силы не исключалась именно потому, что там мы имели дело не с движением самих товаров, а с „тождественной ролью“ их цен, как факторов распределения народного дохода между их владельцами.

² Отсюда и следует, что рабочая сила включаться в схему не должна.

³ Из пяти ленинских укладов мы не упоминаем здесь натурального хозяйства, поскольку оно не участвует в товарообороте.

тив отдельных самостоятельных контрагентов¹; 2) как некое самостоятельное единство — в своей противоположности другим сферам народного хозяйства; 3) как органическая часть народнохозяйственного целого².

Разумеется, эти 3 системы связей не просто «сосуществуют» одна рядом с другой, а взаимно переплетаются и определяются, представляют в совокупности сферу обращения, но различение их необходимо так же, как необходимо в едином процессе кругооборота капитала различение его фигур. Далее ясно, что исследование должно охватить проблему «во всех связях и опосредствованиях», т. е. рассмотреть сферу обращения с точки зрения всех 3 систем связей.

Рассматривая сферу обращения в той или иной системе связей, мы получаем ту или иную конкретную расшифровку данного выше определения товарного оборота.

Рассмотрение сферы обращения в первой системе связей не есть по существу изучение, а лишь констатация ее наличия, ибо первая система связей есть эмпирически данное положение, поверхность явления; научное же исследование начинается лишь там и тогда, где и когда под внешностью, видимостью, «эмпирией» вскрывается существо. «Изучение» только в этой одной системе связей есть специфически капиталистический товарно-фетишистский подход к вопросу. Для марксиста это лишь необходимая начальная ступень исследования, ибо действительность дана прежде всего именно в этой поверхностной форме; для фетишиста — изучение этим подходом и ограничивается. Весьма недурно говаривал об этом Маркс: «Если, как это узнал читатель к своему огорчению, анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса воспроизводства есть вещь в высшей степени сложная и труд очень серьезный; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений, движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получиться такие представления о законах производства, которые совершенно уклоняются от этих законов и суть лишь сознательное выражение совершающегося на поверхности явлений движения» («Капитал», т. III).

Своеобразное «попутничество» получается только на первом этапе исследования и в этом разгадка того обстоятельства, что категория валового оборота, как суммы всех совершенных за данный период товарных сделок, дается всеми исследователями совершенно одинаково. Итак, взятый в первой системе связей сфера обращения товарооборот представляется как общая сумма всех товарных сделок; т. н. валовой оборот.

Эта категория видна сразу, и определение ее не составляет никакого труда. Но зато она и различные производные от нее, всякого рода средние обороты на предприятие, на «душу», на одного занятого и незанятого, на данный период и пр. и т. п. — все, что может дать подход с точки зрения этой системы связей самой по себе³. Но эта категория — как раз то, что

¹ Наличие таких, хотя бы условно самостоятельных (наши синдикаты), предприятий — необходимое условие самого существования отдельной сферы обращения. При отсутствии их мы будем иметь дело не с обращением, а с распределением, имеющим совершенно иную социальную и экономическую характеристику.

² Прекрасную формулировку 3 систем связей сферы производства дает т. Петров в статье „Учет продукции промышленности“, „В. С.“ № 3 за 1927 г. К сожалению, т. Петров не распространяет этих ценнейших методологических положений на все народное хозяйство и все свои рассуждения ведет исключительно в плоскости исследования промышленности.

³ Точно также высшее „достижение“ буржуазной науки в области индексов цен — индексы общих цен, как измерители покупательной силы денег — представляет собой не больше, как подозрительную мешанину цен во всех этих сделках.

Колокольников берет основным, исходным экономическим определением товарооборота!

Чем глубже и полней успехи строительства социализма, чем меньше элементов товарного хозяйства у нас остается, тем, естественно, меньше и меньше значения имеет для нас валовой оборот. Можно, пожалуй, считать, что уже и теперь валовой оборот не имеет у нас никакого значения.

Уже на следующем этапе исследования упомянутое выше «путничество» обрывается.

Взятая во 2-й системе связей сфера обращения представляет собою единое «одно, отрицающее всякое другое (другие сферы) полемически относящееся ко всякому другому» (Гегель) — сферу обращения самую по себе в целом. Здесь, следовательно, исключаются как связи сферы обращения с другими сферами, так и связи отдельных элементов сферы обращения между собою. Иными словами, изучение сферы обращения в этой системе связей сводится к изучению размеров товарного капитала, находящегося в данный момент внутри сферы обращения. Но если это так, то самый оборот, движение товаров исключается — мы получаем не оборот, а товарную массу ^1M (или, что совершенно то же — товарные запасы) в ее пространственном распределении. Фиксируя величину этой товарной массы в различные моменты времени, мы, конечно, констатируем, что она не остается неизменной. Однако источники этих изменений находятся вне рамок данной системы связей, — именно в этом и заключается отрицание «других» нашим «одним». Следовательно, в этой связи сфера обращения предстает и замкнутая в себе, резко отграниченная и, одновременно, без ее собственных границ, ибо последние, подобно поверхности тела, принадлежат уже не только ей, но и окружающей среде (Гегель). Поэтому, если мы возьмем сферу обращения вместе с ее границами, мы с ними сразу же получим всю систему связей между нею и другими сферами.

Совершенно очевидно, что эта система связей есть вместе с тем отрицание элемента в р е м е н и, она дает моментальный снимок со сферы обращения. Следовательно, о товарной массе мы можем говорить только на какой-либо момент, а не за какой-либо отрезок времени.

Действительно, как только мы захотим получить товарную массу в таком понимании, за какой-либо отрезок времени, мы получим бесконечность. Это вытекает из следующего простого построения. Если отбросить движение товаров между предприятиями внутри обращения, то во временном разрезе мы будем иметь лишь простое существование, простое бытие товарной массы — разновеликой в разные моменты времени. Но всякий конечный отрезок времени складывается из бесконечно большого числа бесконечно малых, нулевых моментов. Товарная масса за весь промежуток, очевидно, составит как сумма масс, существовавших в эти бесконечно малые моменты. Но сумма эта будет состоять из бесконечно большого числа конечных слагаемых. Если представить величину этой массы как функцию времени $F(t)$, то математически ее величина за отрезок времени a, b будет равна:

$$\int_a^b F(t) dt,$$

т. е. интегралу без dt , который в противоположность нулю без палки равен бесконечности. Избавиться от этой бесконечности можно лишь одним из следующих путей: 1) брать товарную массу на момент времени, т. е. про-

¹ Тов. Мудрик в статье в „В. С.“ № 3 за 1928 г., следуя общепринятой терминологии, понимает под товарной массой другую категорию, о которой речь будет ниже.

сто F для того или иного значения t , либо 2) брать среднюю товарную массу, среднее значение величины $F(t)$, которое, как известно, равно

$$M = \frac{\int_a^b F(t) dt}{b-a}$$

Эта последняя величина имеет вполне определенное значение, но обладает одним существенным недостатком: она может быть вычислена только при том условии, что известна функция $F(t)$. Функции этой мы, понятно, знать не можем. Нам остается, следовательно, прибегнуть к исчислению какого-либо приближенного показателя — через многократное измерение товарной массы и через замену знака $\int$ знаком Σ . Мы при этом получим следующую формулу средней товарной массы (товарных запасов) за промежуток между первым и последним измерениями:

$$M = \frac{1/2(M_1 + M_n) + \sum_{i=2}^{i=n-1} (M_i)}{n-1}$$

где n — число измерений товарной массы.

Как величина товарной массы на какой-либо момент, так и средняя товарная масса за какой-либо период имеют весьма большое познавательное значение, характеризуют по существу реальное товарное содержимое сферы обращения, служат прекрасным показателем для измерения динамики этого содержимого при сравнении данных о запасах, или средних запасах во времени, или сезонных колебаний, при сопоставлении отдельных величин товарных масс с их средней, или, что то же, при измерении противоречия между этой средней и отдельными значениями M .

Изучение в 3-й системе связей должно показать роль сферы обращения в общественном воспроизводственном процессе. Эта роль заключается в том, что обращение связывает воедино разрозненные элементы народного хозяйства. Что при этом сфера обращения сама раздроблена на самостоятельные предприятия — это народному хозяйству в данной связи неинтересно. Важно, что при помощи, посредством обращения произошел определенный оборот между разными сферами народного хозяйства, а что делалось внутри сферы обращения — надо откинуть. Следовательно, показатели, характеризующие эту роль сферы обращения, будут таковы: 1) все, что вобрала в себя сфера обращения — с одной стороны и 2) все, что она выбросила в остальные сферы — с другой. Первое есть товарная продукция¹, второе — общий оборот (сумма продаж) розницы плюс экспорт, причем под розницей понимается всякая продажа из сферы обращения в другую сферу независимо от размера партии, цен и т. п.²

¹ Надо брать именно продукцию, а не какие-нибудь обороты, ибо окончание процесса производства (получение готовой продукции) есть выбрасывание товаров в сферу обращения.

² Мы называем это розницей, прекрасно понимая, что термин этот неудачен. Однако суть не в терминах. Существенно подчеркнуть, что общепринятое понимание розницы не имеет научного смысла и оправдания, если подходить к товарообороту как к фазе процесса воспроизводства. В самом деле, при таком подходе отделение одного типа сделок от другого должно основываться на различии мест этих типов сделок в процессе воспроизводства и на различии контрагентов, связывающихся этими сделками. Между тем существующее понимание розницы основывается на совершенно иных признаках — на размере сделок в первую очередь. Кто связывается этой сделкой, какой конкретный этап процесса воспроизводства эта сделка образует — все это игнорируется. В основе всего лежит размер сделки. Не ясно ли, что под основой такого понимания является идеология лавочника, труднейшей задачей которого при капитализме является продажа товара и которому естественно поэтому различать сделки прежде всего по тому, какую массу товара он в этой сделке сбудет.

Но товарная продукция измеряет сумму ценностей, выброшенную в сферу обращения, но не связанную при этом обязательно с переходом из предприятия в предприятие. Этот показатель характеризует, так сказать, пассивную роль сферы обращения. Очевидно, рядом с ним должен стоять другой показатель, характеризующий активную роль обращения, показатель, всякий элемент которого связан с актом обмена, — сумма продаж производителей + импорт. Если однако мы вспомним, что к началу исследуемого периода в сфере обращения обязательно имеются какие-то запасы, то отсюда следует, что эти запасы должны быть включены в показатель пассивной народнохозяйственной роли сферы обращения — пассивной потому, что активная роль обращения по отношению к ним, если она и была, проявлялась до изучаемого периода.

Не трудно видеть, что показатель пассивной роли сферы обращения представляет собою общий показатель предложения.

Особо приходится остановиться на импорте. Поскольку импортированные товары куплены обращением, они должны войти в показатель активной роли сферы обращения, но поскольку для этого они должны были быть сначала ему предложены внешним рынком, они должны войти также и в показатель пассивной роли¹.

Следовательно, полный показатель пассивной роли сферы обращения в народнохозяйственном воспроизводстве за данный период, например год равен товарной продукции + товарные запасы (производителей и в каналах обращения) на начало года + годовой товарный импорт. Количественно эта формула совпадает с формулой, которую дает тов. Мудрик, называя ее при этом товарной массой или «товарным фондом, каким располагает страна за определенный отрезок времени»: «первое отчуждение производителей в течение года + запасы производителей на конец года + запасы в каналах обращения на начало года + товарный импорт в течение года»².

Однако совершенно ясно, что эту категорию не следует называть ни товарной массой (об этом см. выше), ни «товарным фондом, которым располагает страна», ибо она включает в себя и, скажем, муку и булки из нее сделанные, которыми вместе «располагать» никак нельзя. Аналогично тому, как о товарной массе можно говорить лишь в отношении момента времени и нельзя во избежание бесконечности складывать товарные массы различных моментов, и мука существует лишь до тех пор, пока она не превратится в булки, а булки — лишь после того, как они поглотили в себя муку, и складывать их вместе в фонд, которым кто-либо располагает, нельзя. Не общество располагает тем фондом, который получится в результате применения нашей формулы, а этот «фонд», если говорить об условиях капиталистических, «располагает» обществом. Он есть прямой результат анархии производства в капиталистическом обществе и услов-

¹ Как только мы касаемся вопроса об экспорте или импорте, мы сразу же из рамок нашего хозяйства „выходим на мировой рынок“. Само собою понятно, что предложение на мировом рынке, а следовательно и показатель пассивной роли сферы обращения, во много раз больше суммы нашего импорта. Однако это предложение адресовано не только интересующей нас нашей сфере обращения или адресовано нашей сфере обращения лишь в известной доле. Доля эта определяется нашим импортом, который таким образом и входит в показатель пассивной роли нашей сферы обращения. Однако к сведению господина Макдональда доля нашего импорта во всей реализации мирового предложения еще не охватывает всей пассивной роли нашей сферы обращения по отношению к мировому (в том числе и английскому) рынку, ибо кроме этого имеются еще товары, не находящие себе сбыта, также рассчитанные в известной части на нас. Но исчисление этой части должно интересоваться не нас, а того же господина Макдональда.

² Тов. Мудрик сам дает другой вариант этой формулы, совершенно совпадающий с вышеуказанным.

ного дробления производства на самостоятельные предприятия у нас. Отсюда и вся условность этой категории в советском хозяйстве.

Однако мнение т. Петрова¹, который считает, что товарная продукция есть величина «мнимая», что «за ней не скрывается никакое реальное явление», верно не абсолютно, но лишь в той связи, в какой оно т. Петровым выдвигается, ибо товарная продукция есть форма реального отражения реального процесса воспроизводства в реальной сфере обращения. Эта величина действительно мнима, но лишь с узко производственной точки зрения. Но зато и наоборот. Стоимость годового общественного продукта, о которой говорит т. Петров (фонд, которым общество действительно располагает), есть величина мнимая с точки зрения сферы обращения, поскольку эта категория требует для своего понимания преодоления товарного фетишизма, а сфера обращения есть атрибут товарной формы хозяйства, и подход с ее точки зрения должен до конца считаться с этой формой.

Точно так же эллипс и гипербола являются друг для друга мнимым, но в то же время не только обе реально существуют, а даже представляют одно и то же, но в разных сферах пространства.

Таким образом получается, что товарная продукция есть по содержанию показатель, «подведомственный» статистике обращения, но не статистике производства. Но так как он представляет категорию, характеризующую переход из сферы производства в сферу обращения, то он может исчисляться и здесь и там. Со стороны производственной он будет равен «выработке — за исключением прошедшего в дальнейшую переработку и потребленного в производстве»; со стороны обращения — сумме продаж производителей + увеличение их запасов за год.

В связи с этим необходимо указать, что весь этот вопрос теснейшим образом связан с вопросом об единице учета, ибо, как известно, тем, что именно взято за единицу учета, такие категории, как товарная продукция, определяются в весьма большой степени. Но из того, что изложено выше, ясно, что единицей учета должно быть предприятие — самостоятельная, в наших условиях — условно-самостоятельная, экономическая единица (скажем, трест), связанная с другими элементами народного хозяйства лишь связью товарной сделки². Действительно, продукты производства входят в товарную фазу процесса воспроизводства лишь в тот момент, когда дальнейшее их движение в этом процессе может совершаться лишь посредством менового акта; до этого мы имеем лишь техническое движение элементов производства на базе технического разделения труда. Таким образом, внутри предприятий мы со статистикой обращения проникать не должны, ибо обращение начинается лишь за порогом предприятия — за порогом в экономическом смысле этого слова. Теоретически говоря, эта же единица должна лежать и в основе промышленной статистики, если руководствоваться экономическими, а не технико-производственными принципами выбора единицы учета.

Но понятно, что этот показатель (товарная продукция + запасы + импорт) значительно шире первого показателя активной роли сферы обращения. Последний включен в этот показатель как часть — доля.

Итак мы получили следующие выводы: необходимо для характеристики роли сферы обращения в процессе воспроизводства иметь следующие показатели:

¹ См. „Вестник ст-ки“ № 3 за 1927 г. „Учет продукции промышленности“.

² Вообще говоря, это не исключает нацело и заведения как единицы учета, напр. при изучении организации товарооборота.

1. Показатель пассивной роли сферы обращения = товарной продукции + товарные запасы (все) на начало года + импорт за год.

2. Сумма продаж производителей¹ = товарной продукции — увеличенные запасы производителей в течение года.

3. Импорт.

4. Сумма продаж розницы².

5. Экспорт.

При этом к собственно товарообороту могут быть отнесены только 4 показателя: первый сюда не уложится.

Сравнение первых двух показателей, как совершенно справедливо указывает Колокольников (хотя он и не представляет себе ясно содержания второго показателя, о чем после), имеет громадное значение для выяснения условий реализации, и расхождение между ними в капиталистическом хозяйстве особенно велико во время кризисов.

Если из этого 2-го показателя исключить всю сумму продажи производителей потребителям (производительным или иным), то оставшаяся сумма даст нам сумму продаж производителей посреднической торговле. Но и помимо своего подсобного значения, для получения этой последней величины сумма непосредственных продаж производителей потребителям (а это имеет место даже в отношении средств потребления — Моссельпром например, Резинотрест и др.) имеет и самостоятельное значение, ибо показывает, в какой мере обособлен товарно-торговый капитал и в какой мере производители «сами себе торговцы». Мы получаем следовательно показатель 2-а — сумму непосредственных продаж производителей потребителям — производительным и индивидуальным.

Хотя по определению Маркса сам собственно товарно-торговый капитал представляет лишь выделившуюся и застрявшую в сфере обращения часть капитала производителя, но это выделение есть продукт, а потому и характеристика высоты развития товарной формы. Наоборот, с отмиранием товарной формы происходит обратное поглощение самостоятельного товарно-торгового капитала³ капиталом производительным. Этот процесс в больших размерах и темпах происходит теперь у нас. Отображение этого процесса — большой важности задача, и в решении ее показатель 2-а должен сыграть свою роль. Но выделение его требует учета оборотов по контрагентам. Как увидим дальше, это не присуще только ему одному. Но так как в случае такой непосредственной сделки производитель выступает собственно в роли агента обращения, передающего товар из сферы обращения в другую сферу, то эта величина (2-а) должна быть включена в сумму оборотов «розницы», хотя с выделением ее, понятно, на особое место (делка, напр., Донугля с Югосталью).

Из 6 (теперь их следовательно 6) показателей народнохозяйственной роли сферы обращения 4 (1, 2, 3, 5) поддаются учету непосредственно; 2-а требует учета по контрагентам, о чем после. Остается показатель 3 — сумма продаж «розниц». Совершенно очевидно, что непосредственному учету она во всем объеме не поддается. Это и заставляет, повидимому, Колокольникова обращаться к следующей сугубо условной форме построения: «Если бы учесть выходящие из товарного обращения массы, то⁴...» (указ. статья, стр. 48).

¹ Здесь под производителем понимается, естественно, предприятие в том смысле, в каком это указано выше. Таким образом, и в этот показатель не включается оборот внутри предприятия.

² В указанном выше смысле.

³ Мы думаем, читатель все время помнит об условности всех этих терминов.

⁴ Что получил бы в этом счастливом случае Колокольников, — увидим дальше.

Но никто не внемлет и поэтому «для исчисления товаров, выходящих из обращения, мы имеем пока только отрывочные данные. Сюда могут быть отнесены некоторые категории сделок в биржевой статистике; приближенное и запоздалое исчисление может быть сделано по бюджетным данным. Более точный учет может быть сделан для кооперативной торговли, если условно считать все товарные массы, поступившие в магазины и лавки низовой кооперации, за выбывшие (точнее выбывающие) из товарного обращения, уточнение расчета может быть сделано путем привлечения к нему данных о снятии остатков в магазинах» (там же, стр. 49-50).

Вряд ли нужно особо старательно критиковать эти положения, чтобы выяснить их практическую непригодность. Ясно, что таким громоздким путем не сделать ничего, и результаты исчислений вряд ли будут много лучше пресловутых экспертных оценок, тем более, что и для непосредственного вмешательства экспертов при таком приеме остается весьма солидное место.

Однако в нашем распоряжении другой — гораздо более простой и точный метод, основанный на самой простенькой арифметике. Если в сферу обращения за весь период входило товаров (включая и запасы на начальный срок) M , а на конечный момент было N , не ясно ли, что вышло из сферы обращения ровно на $M - N$?

Что же такое это M ? Не что иное, как тот же самый показатель пассивной роли сферы обращения. «А N ? Товарная масса или товарные запасы на последний срок.

Следовательно, сумма продаж розницы равна показателю, названному нами показателем пассивной роли сферы обращения, минус товарные запасы на конечный момент, или (в развернутом виде): товарной продукции + товарные (все) запасы на начало года + импорт — товарные запасы (все) на конец года. Эта величина даст нам точно обороты розницы, с учетом того, что одна и та же стоимость может несколько раз в течение года переходить из сферы производства в сферу обращения и обратно.

Если для простоты ввести следующие обозначения:

Товарная продукция — T

Товарные запасы производителя — K_1 ¹

Товарные запасы в каналах обращения — L_1

Импорт — I .

Сумма продаж производителей — ΣP

Оборот розницы — R , то $T = \Sigma P + (K_n - K_1)$, а весь оборот розницы $R = \Sigma P + (K_n - K_1) + (K_1 + L_1) + I - (K_n + L_n) = \Sigma P - (L_n - L_1) + I$, т. е. сумме продаж производителей минус сальдо товарных остатков в каналах обращения плюс импорт и, таким образом, как будто не зависит от изменения товарных запасов производителей. Однако если вспомним, что всякое изменение товарных запасов производителей, связанное с продажей (а не только с окончанием производства) товаров, немедленно сказывается на величине ΣP , то увидим, что так оно и должно быть.

По этому же пути пытается идти т. Мудрик. Указав, что Колокольников напрасно усложняет вопрос и идет к его решению окольными путями, т. Мудрик пишет: «Эта (вышедшая в производительное или личное потребление) часть товарной массы² равна первому отчуждению произведе-

¹ Значок i означает срок измерения этих запасов, т. о. K_n — запас на конец года, K_1 — на начало и т. д.

² а) Мы помним, что понимает под товарной массой т. Мудрик.

б) При нашем понимании «розницы» сумма продаж розницы естественно равна всей сумме ценностей, вышедшей в течение года в потребление.

лей + товарный импорт минус положительное или плюс отрицательное сальдо товарных остатков (производителей и в каналах обращения), на конец и начало года» (стр. 31). Не трудно видеть, что эта формула отличается от приведенной нами выше. Действительно, сохранив принятые обозначения, получим формулу тов. Мудрика в следующем виде:

$$R = \Sigma P + I - (K_n - K_1) - (L_n - L_1) = \Sigma P + I + K_1 + L_1 - K_n - L_n$$

Она отличается, следовательно, от нашей формулы на величину

$$\Sigma P + I + K_1 + L_1 - K_n - L_n - (\Sigma P + I + L_1 - L_n) = K_1 - K_n.$$

Формула Мудрика

Наша формула

Если эта величина положительная, т. е. товарные запасы производителей на начало года больше товарных запасов производителей на конец его, то результаты по формуле Мудрика будут больше, чем по нашей; при меньших конечных запасах результаты по формуле Мудрика меньше, чем по нашей. Мы считаем, что формула Мудрика неверна и именно потому, что в отличие от нашей дважды учитывает изменение товарных запасов производителей, связанные с продажей производителем его товаров: однажды в ΣP и второй раз в остающейся, несмотря на это, в формуле величине $K_1 - K_n$. Иллюстрируем это на очень простом примере. Допустим, мы имеем следующее положение: $K_1 = 5$; $L_1 = 3$; $I = 0$. Производства, допустим для простоты, нет. Пусть все торговые операции за данный период выразились в том, что один производитель продал непосредственно потребителю (все равно какому) товар на 1. След. $\Sigma P = 1$. Очевидно, что в этом случае обороты розницы $= R = 1$. Тогда конечное положение будет таково:

$$K_n = 4^1, L_n = 3, \Sigma P = 1. R = ?$$

По нашей формуле получим для R :

$$R = \Sigma P + I + L_1 - L_n = 1 + 0 + 3 - 3 = 1,$$

а по формуле Мудрика:

$$R_m = \Sigma P + I - (K_n + L_n - K_1 - L_1) = 1 + 0 - 4 - 3 + 5 + 3 = 2.$$

Таким образом, в случае, когда все обороты (в данном случае это же есть и валовой оборот) $= 1$, по формуле Мудрика мы получаем для оборотов «розницы» 2. Дефектность формулы, мы думаем, ясна.

Но так построенная формула, даже и в правильном виде, дает ч о х о м все, что выходило за год за пределы внутренней сферы обращения, и на потребление других сфер внутри страны и на внешний рынок. Следовательно, чтобы получить обороты «розницы» в полном смысле этого слова, ибо продажа на внешний рынок не обозначает ухода товара из сферы обращения в другую сферу нашего внутреннего народного хозяйства, надо из данной нами формулы вычесть экспорт. Таким образом обороты в внутренней «рознице» определяются окончательно следующей формулой:

$$R_b = \Sigma P + I + L_1 - L_n - E,$$

где E — экспорт.

Это добавление вносит в свою формулу и т. Мудрик, когда дает список (схему) полученных им показателей, однако как-то мимоходом, не обосновывая и не оговаривая нового смысла и содержания полученной формулы.

¹ Так как проданная единица либо ушла в потребление, если она есть средство потребления, либо стала производственным, а не товарным запасом.

Подобные неточности (и еще одна ошибка в самом построении баланса, о которой ниже) приводят к тому печальному концу, что свернутый баланс спроса и предложения, который т. Мудрик думает построить, исходя из своей схемы, получает весьма своеобразный вид. Баланс спроса и предложения в том виде, в каком он может быть исчислен при помощи построенных Мудриком показателей, естественно должен дать остаток, равный всем товарным запасам на конец года, ибо он будет содержать на одной стороне все, что было брошено в сферу обращения, а на другой все, что из нее вышло. Иными словами, разность между предложением и спросом должна равняться

$$M_n = K_n + L_n.$$

Однако если проверить с этой точки зрения мудриковскую схему баланса, ничего подобного не получается. Проведем эту проверку, пользуясь опять-таки введенными раньше обозначениями.

По Мудрику¹ он получит следующий вид:

$$\text{Предложение} = \Sigma P + K_n + L_1 + I$$

$$\text{Спрос} = \Sigma P + I - (K_n + L_n - K_1 - L_1) - E + (L_n - L_1) + E^2 = \\ = \Sigma P + I - K_n + K_1$$

$$\text{Баланс} = \Sigma P + K_n + L_1 + I - (\Sigma P + I - K_n + K_1) = 2K_n + L_1 - K_1$$

нечто совершенно несообразное.

Попробуем построить тот же баланс по нашим формулам. Получим: а) предложение — показателю пассивной роли сферы обращения $= \Sigma P + K_n + L_1 + I$; б) спрос — полные (с экспортом) обороты «розницы» $= R = \Sigma P + I + L_1 - L_n$ ³.

Баланс $= \Sigma P + K_n + L_1 + I - (\Sigma P + I + L_1 - L_n) = K_n + L_n = M_n$, что и следовало получить. Если отчасти ограничить баланс внутренним рынком, не считая экспорт, то дело сведется к вычитанию величины экспорта из обеих частей баланса и сальдо не изменится.

До сих пор мы в своих построениях не выделяли особо посредническую торговлю, хотя и упоминали о ней. Однако выделение это провести необходимо, потому что хотя по происхождению товарно-торговый капитал есть особая часть капитала производителя, но часть, выделившаяся с самостоятельными функциями и самостоятельной ролью. Если производитель выступает в роли продавца лишь по необходимости — иначе он не может непрерывно продолжать процесс производства, — если для него продажа

¹ См. указанную выше статью, стр. 31.

² Мы здесь представили лишь в принятых нами обозначениях те элементы, которые перечислены т. Мудриком в соответствующем месте статьи.

³ В свернутый баланс реализованного спроса и предложения на стороне предложения представлена вся сумма товаров, которая входила в сферу обращения, с учетом того, что целый ряд товаров переходил из сферы обращения в производство и обратно многократно, т. е. показатель пассивной роли сферы обращения в народном хозяйстве; на стороне спроса — все, что действительно выходило за пределы сферы обращения, т. е. R — и только. Включать в спрос изменение товарных запасов в каналах обращения, как это делает Мудрик, неверно (и это сказывается на печальном сальдо его баланса, причем однако неверность зависит не только от этого), т. к. с точки зрения общей характеристики периода этот показатель не дает уменьшения предлагаемой массы — первая характеристика спроса. К концу года прирост запасов в каналах обращения $-(L - L_1)$ — стоит на стороне предложения, в то время как сумма, составившая спрос, может стать на сторону предложения, только пройдя процесс производства, т. е. превратившись из производственных запасов в товарные. Иначе придется учитывать не только окончательный выход в потребление, но весь спрос по всем звеньям сферы обращения, т. е. брать валовой оборот как элемент баланса. Последнее — явно нелепо.

есть лишь ступень к новому производству, то для выделившегося товарно-торгового капитала обращение есть самоцель, ибо именно функционирование в обращении дает ему прибыль. Если продажа производителя есть реализация капитала и прибавочной стоимости, часть которой идет непосредственно на расширение производства, то продажа купца есть реализация капитала и прибыли, которая не идет непосредственно на расширение производства, но лишь на расширение операций по реализации продуктов расширяющегося производства. И только у нас в социалистическом хозяйстве грань эта стирается, поскольку плановым регулированием производится переброска доходов из одних сфер в другие — непосредственно и через регулируемые цены.

Сфера посреднической торговли, сфера деятельности собственно товарно-торгового капитала образует как бы особую сферу внутри общей сферы обращения. По существу же своего характера деятельности и роли в народнохозяйственном процессе она не отличается от сферы обращения в целом. Следовательно, к ней можно применить те же показатели, что и ко всей сфере обращения. Собственно некоторые показатели для посреднической торговли уже даны выше, где речь шла о товарных запасах в каналах обращения. Под каналами обращения здесь, ясное дело, понимается именно сфера посреднической торговли, ибо даже запасы в магазинах Моссельпрома должны считаться товарными запасами производителя.

Итак, один показатель — товарные запасы, товарная масса — тоже, товарно-торговый капитал в товарной форме — на ряд точек и, ясно, средние по тем же формулам, что выше. Затем — валовой оборот посреднической торговли, равный сумме всех продаж посреднической торговли, равный очевидно, валовому обороту всего обращения минус обороты непосреднической торговли, т. е. торговли самих производителей, обозначенной через ΣP . Следовательно, если обозначить весь валовой оборот через W , то валовой оборот посреднической торговли $= W - \Sigma P$ ¹.

Сношения с внешним рынком — экспорт и импорт у нас, по существу говоря, тоже будут показателями посреднической торговли, так как монополия внешней торговли организована так, что ряд специально-торговых организаций имеет исключительное право на эти операции.

Наконец из общего оборота «розницы» необходимо выделить оборот посреднической розницы — розничные обороты посреднической торговли, показывающие, какая сумма ценностей была передана из сферы обращения в другие сферы через посредство собственно торговли. Очевидно, величина этих оборотов равна общим оборотам «розницы» минус сумма продаж производителей потребителям $[R_n + R - \Sigma P]$, где ΣP — продажи производителей потребителям.

Этим, мы думаем, можно и ограничить показатели, характеризующие посредническую торговлю².

Мы почти нигде не касались всякого рода производных, средних и т. п. величин, которые, естественно, могут и должны строиться на основании выведенных здесь показателей. Это разумеется само собою и заниматься этим здесь, мы думаем, не стоит.

Сведем теперь в один список все полученные показатели. Список этот (думаем, что его можно назвать схемой и даже системой) будет таков:

¹ На это указывает и Колокольников, но, как увидим дальше, содержания ΣP он ясно не представляет.

² Необходимо отметить совершенно правильное положение, выдвинутое г. Раузовым, что для нас самостоятельное изучение посреднической торговли теряет сейчас свою ценность. Для нас особенно ясна правильность этого положения в свете той «народнохозяйственной» идеи, которая составляет лейт-мотив нашей работы.

1. Валовой оборот = сумме всех продаж за данный период + импорт = W .

2. Товарные запасы производителей на ряд временных точек = K_i .

3. Товарные запасы в каналах обращения (также на ряд точек) = L_i .

4. Товарная масса = капиталу в товарной форме на тот же ряд временных точек = $K_i + L_i = M_i$.

5. Средняя товарная масса = $\frac{\int_a^b F(t) dt}{b-a} \approx \frac{1/2(M_1 + M_n) + \sum_2^{n-1} M_i}{n-1} = M$.

5-а. Средние товарные запасы производителей } по формулам с тем
5-б. Средние товарные запасы в каналах обращения } же принципом.

6. Сумма продаж производителей = ΣP .

7. Сумма непосредственных продаж производителей потребителям = $\Sigma P'$.

8. Товарная продукция = $\Sigma P + (K_n - K_1) = T^1$.

9. Товарный импорт = I .

10. Показатель пассивной роли сферы обращения в воспроизводстве = тов. продукция + тов. масса на начало года + импорт = $\Sigma P + K_n + L_1 + I$.

11. Экспорт = E .

12. Оборот (сумма продаж) розницы = $R = \Sigma P + I + L_1 - L_n$.

13. Обороты внутренней «розницы» = $R_b = \Sigma P + I + L_1 - L_n - E$.

14. Реализация производителей через посредническую торговлю = $\Sigma P - \Sigma P'$.

15. Валовой оборот посреднической торговли = $W - \Sigma P$.

16. Обороты розничной торговли (сумма продаж посреднической розницы) = $R_n = R - \Sigma P'$.

В схему, как видим, не укладывается так называемый чистый товарооборот, представляющий, по идее его авторов, продукт очищения валового оборота от повторного движения одного и того же товара. Очевидно, это либо недостаток схемы, либо недостаток категории. Мы склоняемся к последнему. Действительно. Чистый оборот включает «по одному разу» сделки с каждым товаром, участвовавшим в течение данного периода в товарообороте. Если бы сюда входили только переходы из одной сферы народного хозяйства в другую (из производства — в обращение или из обращения — в производство и потребление), то налицо был бы реальный экономический смысл этой категории. Но то, что должно бы получиться в этом случае, уже включено в нашу схему. Это — товарная продукция и обороты «розницы». В том-то и дело, что в чистый оборот входят по одному разу и те сделки, которые передвигали товар внутри сферы обращения. Этот-то «довесок» и высасывает из категории весь ее смысл. Именно поэтому чистый оборот есть условная конструкция, вряд ли имеющая какой-либо реальный экономический смысл² и нужная лишь как знаменатель для исчисления средней звенности обращения. Но эту свою роль чистый оборот выполнить как следует не может. Деление валового оборота

¹ Это — в случае исчисления товарной продукции по показателям сферы обращения. При исчислении по пр-ву — получим формулу, показанную раньше, а ΣP получим вычитанием из тов. прод. величины $(K_n - K_1)$.

² Приписывание Колокольниковым этой категории значения показателя обрабатывающихся товарных масс неверно, и не только потому, что под массой надо разуметь моментальную массу, но и по другим соображениям, о которых говорится ниже.

на него не может дать средней звенности по той простой причине, что далеко не все товары пройдут в течение года — весь путь от производителя к потребителю, т. е. все звенья. Такое деление не дает теоретически также среднего числа оборотов товаров в течение года, так как ряд их мог оставаться без движения, что не будет учтено. Эта дробь дает лишь среднее число переходов из рук в руки только тех товаров, которые хотя бы однажды такой переход в течение изучаемого периода проделали. Именно в этом смысле мы и говорим о среднем числе исходов в дальнейшем. К тому же и вычисление чистого оборота — весьма сложная операция¹, ибо очистить валовой оборот от повторных продаж одного и того же товара можно лишь при условии, что за каждым данным товаром будет поставлено неослабное постоянное наблюдение и все его движения будут на месте фиксироваться.

А поди, проделай такую штуку. Скорее, пожалуй, наоборот: можно исчислить сперва среднюю звенность обращения (экспертным порядком) и уже затем получить эту весьма неясную категорию, носящую совершенно неподобающее ей название, как частное валового оборота и средней звенности. И если Колокольников так легко и просто обходит все эти трудности, то лишь потому, что проделывает под ряд несколько ошибок, по странному случайному совпадению, приводящему его к построению правильного показателя, хотя и без полного представления о его содержании.

Понимая чистый оборот так же, как это изложено выше (как «очищенный» валовой), Колокольников называет эту величину «обращающейся товарной массой». Контекст здесь у Колокольникова следующий: «Учет товарного обращения охватывает только продажи, но зато он берет и неоднократно продажи одного и того же товара... Поэтому рядом с исчислением товарного обращения (так называет иначе Колокольников валовой оборот. — Б. Б.) необходимо иметь экономически разняющуюся от него величину — учет обращающихся товарных масс. За неимением лучшей терминологии будем для краткости, вслед за А. Фишгендлером, исчисление товарного обращения называть валовым товарооборотом, исчисление обращающихся товарных масс — чистым товарооборотом. Деление валового оборота на чистый товарооборот показывает число переходов товара из рук в руки; вычет чистого товарооборота из валового показывает размеры посреднической торговли или торгового оборота...

Обращающиеся товарные массы (чистый оборот тоже — по Колокольникову. — Б. Б.) могут быть исчислены при вступлении товаров в товарное обращение, например, для госпромышленности — по продажам трестов, для сельского хозяйства — по крестьянским бюджетам или специальным опросам (стр. 49). Мы привели такую длинную цитату потому, что в ней удивительным образом верно перепутывается с неверным. Конец цитаты, трактуемый о способе учета этих самых «обращающихся товарных масс», ясно показывает, что здесь имеется в виду тот самый показатель, который нами выше обозначен как ΣP (сумма продаж производителей).

Если это так, то тогда правильно, что вычет этого показателя из валового оборота дает валовой оборот посреднической торговли, но тогда неверно, во-первых, то, что этот показатель есть чистый оборот, (т. е. «очищенный» валовой), ибо последний, кроме продаж производителей, включает еще и продажи из тех запасов, какие имелись в каналах самого обращения к началу изучаемого периода; тогда неверно, во-вторых, что деление валового оборота на этот показатель дает число переходов товара из рук в руки, неверно по той простой причине, что число переходов дает-

¹ На эту трудность указывает совершенно правильно т. Мудрик, мотивируя его даже и то, что не включает этот показатель в свою схему. Насчет трудности — он прав, но мотивировка должна и может быть более принципиальная.

ся делением валового оборота на «очищенный» валовой оборот, неравный, как уже выяснено выше, этому показателю; неверно, наконец, что этот показатель определяет находящуюся в обращении товарную массу, если даже допустить такую терминологию, неверно потому, что в обращении, кроме брошенного в него продажами производителей, которые только и включены в этот показатель, находятся еще и товары, находившиеся в запасах каналов обращения на начало изучаемого периода.

Но может быть Колокольников все-таки хочет иметь в виду именно чистый оборот, как очищенный валовой. Тогда верно, что деление валового оборота на «чистый» дает число переходов товара из рук в руки¹. Но тогда неверно, во-первых, формула исчисления «чистого оборота», ибо, как показано выше, формула Колокольникова дает лишь ΣP , т. е. величину меньшую, чем чистый оборот, и тогда неверно, во-вторых, что вычет чистого оборота из валового дает валовой оборот посреднической торговли, ибо, как опять-таки показано выше, обороты посреднической торговли получают из валового оборота вычетом ΣP — величины, неравной «чистому обороту». Словом, как ни кинь — все клин.

Ясно видно, что заклинилось все дело именно из-за того, что Колокольников забывает о запасах, находящихся к началу изучаемого периода в каналах обращения. Это забвение приводит его и к дальнейшей, весьма забавной ошибке. Непосредственно, вслед за приведенной цитатой, Колокольников пишет: «Если бы учесть выходящие из товарного обращения массы, то мы имели бы возможность определить товарные массы, находящиеся в каналах товарного обращения» (стр. 49). Дальше следует уже разобранное раньше построение о способах исчисления этой массы. Казалось бы, совершенно верно. Но надо посмотреть, из чего будет вычитать Колокольников эти выходящие из сферы обращения массы. Очевидно, из того, что он считает обращающейся, находящейся в сфере обращения массой. Но только что была им дана формула исчисления этой «обращающейся массы», формула, включающая только ΣP , только сумму продаж производителей.

Получаем, следовательно, такое построение: из суммы продаж производителей надо вычесть все, что вышло из сферы обращения за данный срок, и получим запасы в каналах обращения на конец этого срока. Но, здраво рассуждая, действительный остаток мы получим лишь тогда, когда из всего, что побывало в сфере обращения, вычтем все, что из нее ушло. Последнее определено Колокольниковым верно — это все, что вышло из товарного обращения. Но первое! Разве все, что побывало за данный срок в сфере обращения, равно только ΣP ? Отнюдь нет! В сфере обращения были еще те же самые злокозненные запасы на начало периода. Следовательно, товарные запасы, исчисленные по методу Колокольникова на конец какого-либо срока, будут преуменьшены на величину... товарных запасов в каналах обращения на начало этого же срока. Надо, видимо, прибавить эти последние. Но для этого их нужно определить. И если мы возьмем начало нашего срока, как конец какого-то предыдущего, и захотим определить по методу Колокольникова нужное нам слагаемое, как товарные запасы на конец этого предыдущего срока, мы снова столкнемся с тем, что преуменьшим слагаемое на величину запасов теперь уже на начало этого предыдущего срока. И т. д... Знаменитое «и т. д.» Адама Смита, отсылающее дипломатически читателя от Понтия к Пилату, но мало помогающее решению задачи.

Мы не случайно упомянули Адама Смита: ошибка Колокольникова, систематически забывающего о товарных запасах в каналах обращения на начало года (так сказать о «перенесенных запасах»), очень похожа на ошиб-

¹ С указанным выше ограничением.

ку Смита, систематически забывающего о перенесенной стоимости. И так же, как условием правильности построений А. Смита является такое положение, когда все производство шло совершенно без всяких средств производства, так условием правильности построений Колокольникова является такое положение, когда имеется товарная форма производства и готовая сфера обращения, но последняя не запятнана еще не одним товаром и запасы ее равны нулю. Особенно странным становится это забвение запасов Колокольниковым, если учесть, что запасы эти — при отвлечении от товарного кредитования торговли промышленностью — суть не что иное, как товарная часть товарно-торгового капитала на данный момент.

Фактически формула Колокольникова дает не запасы на конец года, но изменение запасов за год — разность между запасами конца и начала года. Таким образом при равенстве начальных и конечных запасов величина товарных запасов на конец года определяется по формуле Колокольникова нулем; при превышении начальных запасов — отрицательной величиной!

* * *

До сих пор речь шла о показателях товарооборота целиком и притом только в ценностном выражении. Однако в народном хозяйстве мы имеем переплетение различных социальных типов хозяйств, для которых товароборот является еще важной формой связи. Борьба этих социальных типов, подавление остатков старых общественных форм производства социалистическими, представляет основную, бьющую в глаза черту нашего хозяйства, особенно в теперешней его фазе. Поэтому изучение всего товарооборота чужою без исследования того, кто, и как в этом товарообороте связывается, было бы слишком малограмотной операцией. «Бесчисленные индивидуальные акты обращения с самого начала объединяются в характерное общественное массовое движение — в обращение между крупными функционально определенными экономическими классами общества» («Капитал», т. II). Тов. Мудрик совершенно правильно говорит по этому поводу: «на ряду с выявлением размеров товарооборота необходимо выявить и основные типы рыночных связей, иными словами, — выявить, как, по каким социальным каналам, в каких размерах фактически реализуется взаимодействие различных отраслей и секторов народного хозяйства, в частности национализированного производства с частнохозяйственными (особенно крестьянскими), каково конкретное материальное содержание этого взаимодействия» (стр. 32). Таким образом, выдвигается задача изучения всего товарооборота по социальным типам контрагентов. Это сразу предвдляет к нашей статистике товарооборота требование огромного углубления всей работы и сразу же вскрывает дефектность основной идеи, на которой основаны такие операции в статистике торговли, как сплошной учет, в котором во главу угла поставлен максимальный количественный охват за счет глубины исследования. Поверхностная статистика для нас больше не статистика, ибо поверхностность отнимает у статистики возможность выполнения основной ее роли в нашем народном хозяйстве — дать картину общественного воспроизводства, и следовательно быть орудием планирования строительства социализма.

Мудрик приводит и схему, по которой он считал бы нужным расчленить контрагентов для изучения товарооборота. Схема эта однако недостаточно детальна и, дифференцируя контрагентов лишь по социальному признаку, упускает и еще один обязательный момент: дифференциацию их по их месту в общественном процессе воспроизводства, по характеру их хозяйственной деятельности. Не требует, мы думаем,

новых обоснований то положение, что эта разбивка должна пойти по линии разделения сельского хозяйства и промышленности (что у Мудрика есть) и по линии разделения элементов, производящих С и производящих V (чего у Мудрика нет). Необходимость этого последнего деления особенно существенна именно потому, что в этом делении непосредственно сказывается то, что обращение берется как фаза воспроизводства, а статистика обращения — как часть баланса народного хозяйства.

Таким образом, общая схема расчленения контрагентов может быть дана такая же, как в системе индексов (см. первую часть настоящей работы). Это и естественно, так как основной организующий принцип обеих частей один и тот же: именно, что всякий «раздел» хозяйственной статистики должен строиться не «сам по себе», а как органическая часть статистического изучения всего общественного воспроизводства.

* * *

Мы подходим здесь к следующему ряду вопросов — к исследованию характера оборачивающихся товаров, к получению данных о характеристике состава оборота и о сведении этого состава в ряд групп, различных по своему экономико-производственному содержанию, словом, к разбивке теперь уже не контрагентов, а самих товарных токов, самих товаров на промышленные и сельскохозяйственные, на элементы С и элементы V.

В ряде случаев эта разбивка автоматически будет дана лицом самих контрагентов. Например, обобщественное производство не может покупать средств потребления. Наоборот, когда покупателем выступает частный хозяин, нельзя только по характеристике покупателя знать, покупаются ли элементы С или V, ибо покупатель может выступать и от лица своего производства и от «лица» своего желудка.

Не всегда это возможно определить и по лицу продавца, ибо, как известно, продукты одного и того же производства могут фигурировать и как С и как V (мука, ткани и т. д.).

Наконец, когда контрагентом выступает обращение, да если еще с обеих сторон, вопрос усложняется окончательно, ибо обращение оперирует с любыми товарами.

Мы подходим, таким образом, к выводу о недостаточности только денежного учета оборотов, о необходимости параллельного учета товарных токов в натуральном выражении¹. Надо при этом оговориться, что и такой учет не даст полного решения проблемы по той же опять причине, что один и тот же товар может находить различное применение (производственное или потребительское) в народном хозяйстве. Все же такой учет будет огромным шагом вперед. Здесь придется прибегнуть к условному разделению всех товаров с тем, чтобы в случаях, когда нельзя определить характер объекта сделки по контрагентам, производить это определение по заранее установленной классификации самих товаров.

Кроме того, постановка учета натуральных объемов позволит получить характеристику реального движения продуктов производства, объемов этого движения, характеристику, очищенную от колебаний цен, уничтожающих параллельность в движении натуральных объемов и ценностного выражения оборотов.

Это исчисление может однако быть представлено лишь как огромной величины суммальный ряд, в котором каждый отдельный товар (а, строго

¹ Это особенно важно у нас в связи с процессом перерастания обращения в продуктообмен и распределение.

говоря, даже и каждый сорт) должен стоять в качестве отдельного слагаемого. Сводную же характеристику натуральных объемов и показателя их динамики можно получить лишь как индекс количеств, как индекс объемов, приведенных к единому качественному определению введением того или иного коэффициента соизмеримости, например цен — в качестве весов.

Совершенно очевидно, что и числитель и знаменатель этого индекса будут получены как суммы произведений слагаемых нашего натурального ряда на соответственно выбранные цены — веса, т. е. как агрегаты. Таким образом, в систему статистики оборотов должно быть включено и построение индексов натуральных объемов оборотов. Но в этом пункте, поскольку весами служат цены, статистика оборотов связывается со статистикой цен, что требует, очевидно, построения их обеих по общей системе. Выше мы видим, что общая схема диктуется еще и другими соображениями. В этом последнем случае, статистика оборота и статистика цен будут автоматически взаимно обслуживать друг друга, как это и должно быть вообще во всей народнохозяйственной статистике, если только она построена как цельная единая система.

Разумеется, все те разрезы изучения товарооборота, о которых шла речь, должны сплетаться, комбинироваться, схема показателей, данная выше, должна даваться не «чохом», а как сводная из частных контрагентурных показателей. Это приводит к такому положению, что задачей статистики товарооборота становится измерение ценностных и натуральных объемов и состава множества товарных токов между различными контрагентами. Схема, по которой должен идти учет, будет совершенно аналогична схеме индексов, с той только разницей, что сфера потребления в качестве продавца выступать не будет.

Именно в конструировании статистики обращения, как статистики реальных товарных токов между реальными контрагентами, и заключается статистическое оформление основной идеи этой части работы, той идеи, что статистика обращения должна базироваться на рассмотрении обращения, как определенной фазы процесса воспроизводства, т. е. на 3-й системе связей сферы обращения, в противоположность фетишистскому подходу, базирующемуся на рассмотрении обращения только как суммы товарных сделок, т. е. на 1-й системе связей. Характерным примером этого второго, фетишистского буржуазного подхода являются взгляды Колокольникова.

Мы не будем здесь подробно разжевывать, что получится при построении выведенных нами показателей в переплетении указанных разрезов, — после того, что сказано здесь и в 1-й части (о системе индексов), это должно быть понятно само собой. Эта задача (такое «токовое» построение статистики обращения) неосуществима в рамках одной только собственно-торговой статистики (изучение торговых предприятий), но требует привлечения целого ряда других отраслей и операций статистики. На это обстоятельство указывает т. Мудрик. Дав свою схему изучения социальных переплетов в товарообороте, он говорит: «вполне уместно поставить вопрос: в какой мере практически осуществимо столь дифференцированное изучение товарооборота? Нам представляется, что оно не только желательно и необходимо, но и возможно. Оно осуществимо, если статистика товарного обращения не замкнется в узкий ограниченный круг специально-торговых обследований, а сумеет увязать свою программу наблюдений с соответствующими обследованиями производственной статистики: бюджетные обследования крестьянских хозяйств, кустарные переписи и обследования и пр. Необходимо поставить вопрос в той плоскости, что статистика товарного обращения дол-

жна стать основным потребителем тех материалов производственной статистики, которые характеризуют структуру рыночных связей» (стр. 33). При этом совершенно ясно, что возникает необходимость изменений, коррективов и в тех операциях, которыми будет пользоваться статистика товарооборота. Целый ряд работ надо ставить заново (бюджет кустаря и т. д.).

Наконец уже теперь можно и нужно задуматься и практически работать над тем, какое преломление должен получить в статистике товарооборота быстрый процесс перерождения нашего товарооборота в процесс планового распределения, процесс социалистического перерождения товарооборота. Этому должен соответствовать параллельный процесс превращения статистики товарооборота в статистику распределения продуктов производства. Прежде всего это будет означать «натурализацию» статистики, отмирание ценностных показателей. Вместе с тем возникает вопрос о других коэффициентах соизмерения разнокачественных продуктов — общий вопрос о единице меры оценки при социализме. Но все это — особая большая тема, над которой нужна специальная работа.